— Где-то, помнится, я его вчера встречал... И даже, кажется, что-то обещал... А что — убей, не помню!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

КРОКОДИЛ

Деловой разговор

Дорогой читатель! Приветствую и поздравляю тебя с новым рубежом, новой вехой в нашей жизни. 1972 — теперь эту цифру мы будем видеть каждый день в рабочих графиках, сводках со строительных фронтов, на своих домашних отрывных календарях. Отсчет трудовых суток нового года мы только начали, но его четкий, напряженный ритм уже увлек нас и настроил на деловой лад. А раз так, я хочу, чтобы и этот наш разговор с тобой, дорогой читатель, получился деловым.

Год, в который мы вступили, открывает новые маршруты девятой пятилетки. Я уже вижу на этих маршрутах геологов, строителей, металлургов, животноводов, нефтяников, обувщиков... Идут они дорогами пятилетки, чтобы завоевать новые высоты производительности труда, добиться отличного качества своей работы. И я, Крокодил, облачившись в привычные боевые доспехи, тоже двинулся вместе с ними, стараясь шагать в ногу.

Но тут же кто-то со стороны подает ехидную реплику:

— Далеко ли собрался, зубастый, на кого вилы навострил?

А у меня ни от кого секретов нет. Замечается в нашей жизни такое малопривлекательное явление — бесхозяйственность. Вот против нее — матушки-спустя рукава — и любителей вершить дела авось, небось да как-нибудь и направил я свое испытанное оружие. А конкретно — против тех, кто строил-строил, не достроил и бросил, кто технику, оборудование, сырье, материалы хранит как попало, кто привык швырять деньги на ветер, благо они не свои кровные, а государственные. Любителей жить на широкую ногу, всякого рода расточителей тоже потревожат мои вилы. Ведь наша новая пятилетка — пятилетка строжайшей экономии. И те, кто не желает считаться с этим принципом, заслуживают основательной сатирической взбучки. В нынешнем году на моих страницах вводится новая рубрика—«Ищу хозяина!». Ее мы будем вести вместе с тобой, читатель. Надеюсь, что ты поможешь мне выводить на чистую воду все виды и разновидности бесхозяйственности и конкретных ее виновников.

В минувшем году мне, Крокодилу, пришлось немало заниматься критикой недостатков в бытовом обслуживании населения. Сейчас я намерен еще больше усилить звучание этой важной темы на своих страницах. Под привычной рубрикой «Вилы — в бок!» будут печататься читательские письма, карикатуры, короткие фельетоны и заметки, бичующие все то, что мешает труженикам города и деревни, что стоит на пути наиболее полного удовлетворения их материальных и духовных потребностей и запросов.

Отправляясь в поход по маршрутам новой пятилетки, я отдал своим фельетонистам, писателям-сатирикам, поэтам, художникам короткий боевой приказ:

— По бюрократам, волокитчикам, очковтирателям — огонь!

— По лодырям, хапугам, казнокрадам, взяточникам, пьянчужкам, хулиганам — огонь!

— По склочникам, анонимщикам, сутягам — огонь!

— По врагам мира, империалистическим разбойникам, злобным антикоммунистам — огонь!

1972 год — юбилейный, год пятидесятилетия Союза Советских Социалистических Республик. Мои помощники — юмористы-географы совершат увлекательное путешествие по республикам Советов, расскажут о крепкой дружбе, спаявшей воедино все нации и национальности нашей страны, постараются живо передать ослепительные улыбки казахов и украинцев, русских и узбеков, белорусов и молдаван — короче, всех народов многонационального Союза.

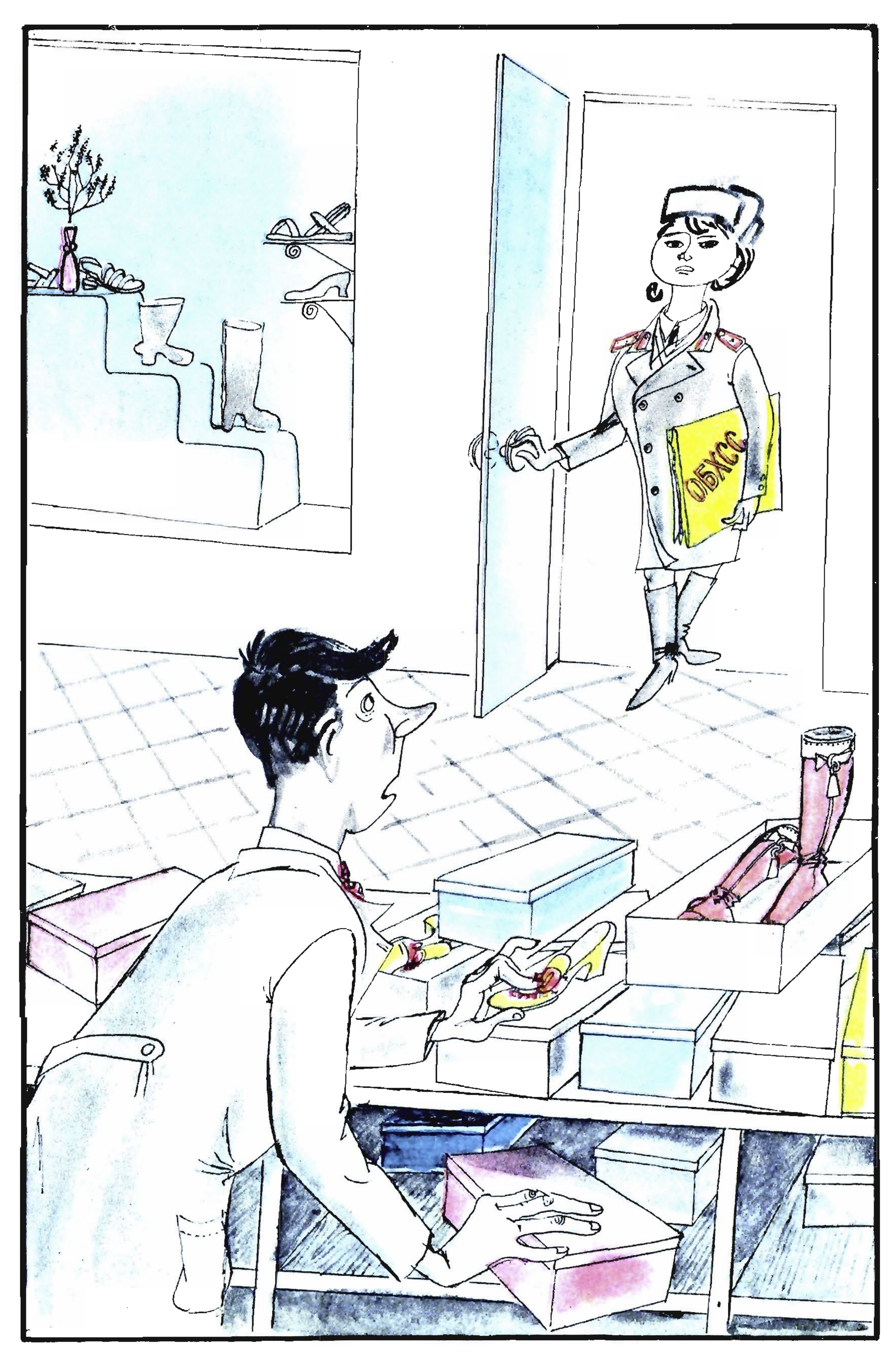
Кстати сказать, в нынешнем году и у меня свой юбилей — мне стукнет пятьдесят. Но, честно говоря, чувствую я себя по-прежнему молодо, бодро и в отставку не собираюсь.

Я хочу, чтобы ты, дорогой читатель, в новом году чаще улыбался. Тебя ожидают приятные встречи с остроловами-энциклопедистами, мастерами забавных рисунков, эпиграмм, шутливых рассказов.

Такую вот, кратко говоря, наметил я программу на нынешний год. Она будет выполнена, если ты, дорогой читатель, станешь, как и прежде, активно помогать мне. На это я, признаться, очень рассчитываю.

Таким пожеланием дружной совместной работы в новом году мне и хочется закончить наш деловой разговор.

КРОКОДИЛ

— Как завижу черноокую, все товары разложу...

Рисунок Б. САВКОВА

Андрей ВНУКОВ

ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ

В Небесном Управлении —
Ну просто смех и грех! —
Пропало заявление
На прошлогодний снег.

Подумаешь, история!
Ведь снег давно прошел...
Но все ж нашлись, которые
Кричат: «Нехорошо!

Нехорошо с бумажкою
Так плохо поступать!»
Пустились во все тяжкие —
Бумажки не сыскать...

Давно заявки найдены
За позапрошлый век,
Но нет заявки, даденной
На прошлогодний снег.

В небесной канцелярии
Все поднято вверх дном —
Заявки с циркулярами
Мелькают за окном!

И вот уже закружено
Порывом ветерка
Неважное, ненужное
За прошлые века...

И вот бумажной прорвою
На землю без помех
Стомесячною нормою
Летит бумажный снег!

Бюро прогнозов в небо зло
Глядит из-под очков:
«Такого снега не было
Четырнадцать веков...»

В Небесном Управлении
Решен вопрос навек:
Давать без заявления
Отныне будут снег...

Из-за одной бумажицы
Не стало всех бумаг!
...А кто из вас отважится
И в жизни сделать так!

Бор. ЮДИН

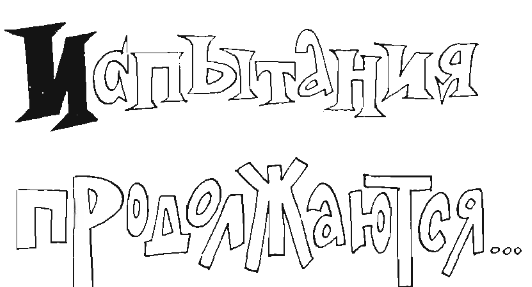
Слово про честное слово

Когда-то Тит Титыч,
верша дела,
Выхвалялся,
важен и весел:
— Слово мое —
все одно что скала!
Слово мое —
вексель!..
Скажет — обманет.
Кто станет карать!
Грех невелик,
простится...
А долго ли было
купчине соврать!
Что дьякону
перекреститься.
Сгинул Тит Титыч.
И с ним лабаз —
Головное
его предприятие.
Но живы еще
болтуны у нас,
Что духом —
ему приятели.
Не так, как в романсах —
грусть и печаль
Бросали небрежно
на ветер...

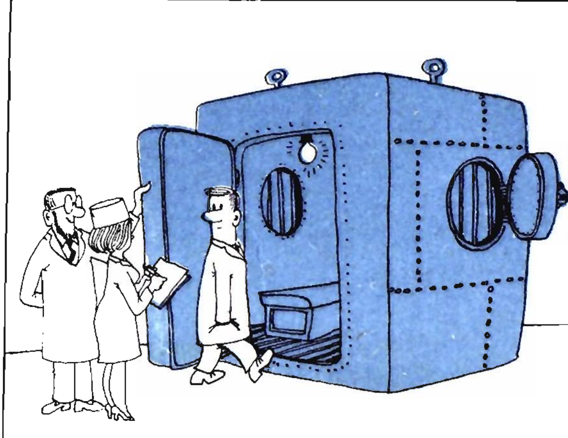
Нет, совесть и честь
швырнут
невзначай
В надежде
не быть в ответе.
Проще всего
обязательств набрать.
Обманешь —
не грех, простится...
А долго ли
пустозвону соврать!
Что курице
в луже напиться.
Этот
бьет себя в грудь кулаком:
«Не будет
дырявого крова!..»

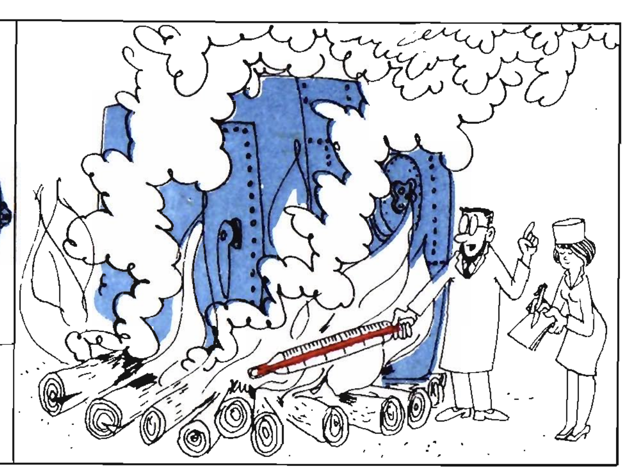
И радостно
«галочку» ставит райком...
Но так же
мерзнут коровы.
Тот обещает
немедля
меню
Разнообразить в столовой...
Но нету в меню
три раза на дню
Ничего,
кроме щей да плова.
Эти —
что качеством
нос утрут,
Клянутся.
И — снова-здорово:

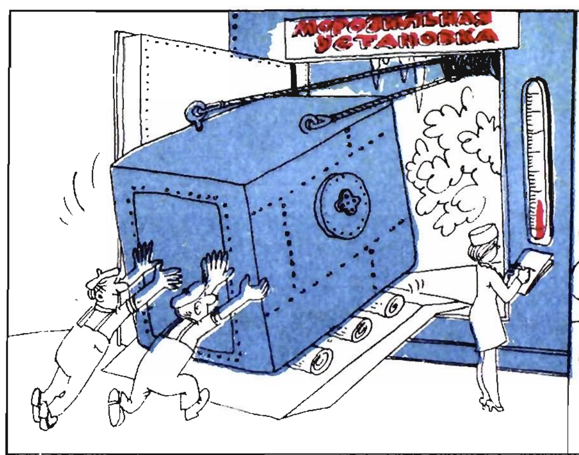
Сто раз клянутся —
сто раз соврут
И счет
начинают снова.
Людям обман —
острее ножа,
Душу вложат
в честное слово.
А эти —
выдадут слов урожай,
Где
не зерно — полова.
И столько
на ветер бросали слов,
Столько их
вдаль уносило
По всем направленьям
«розы ветров»,
Что и ветрам
уже не под силу.
До чего же
осточертела нам
Слов обманных
дежурная выдача,
Что служит прикрытием
болтунам —
Преемникам
Тита Титыча!

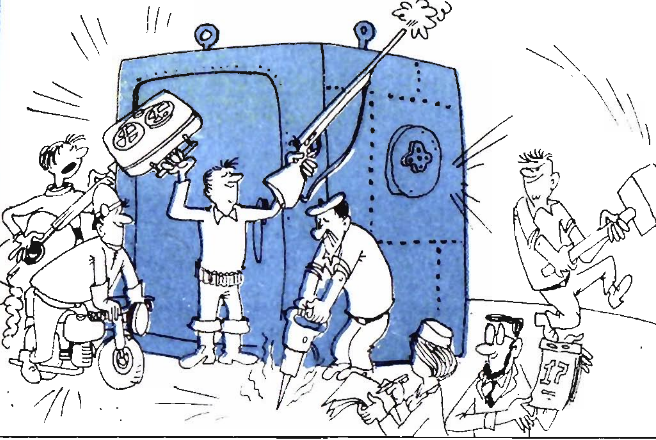

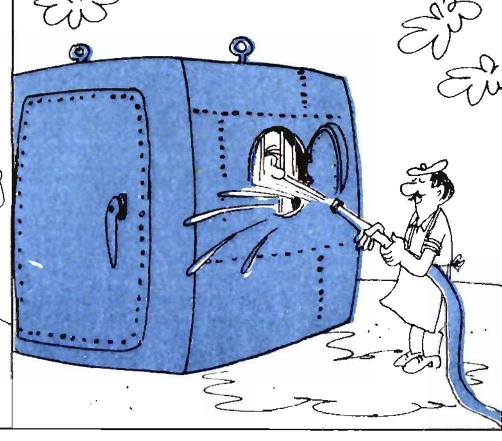
В. ТИЛЬМАН,
Е. ШАБЕЛЬНИК

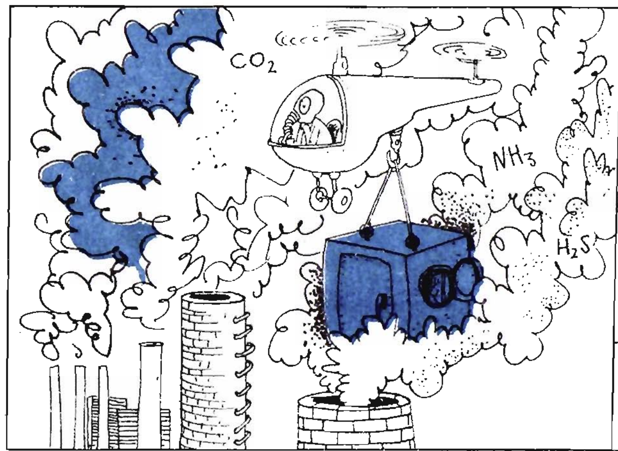

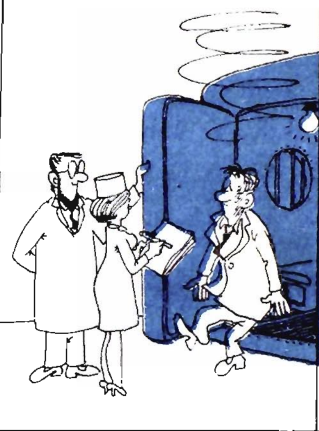

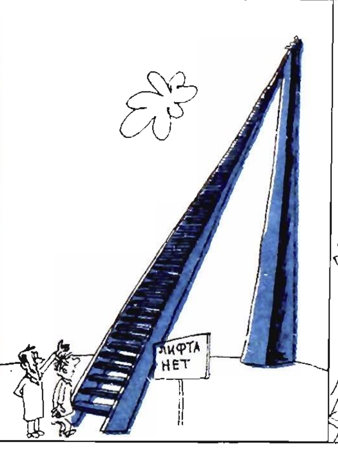

— Поздравляю, Сидоров. Предварительные испытания вы выдержали. Можете вселяться в новый дом.

А. МОРАЛЕВИЧ,

специальный корреспондент Крокодила

ТЯЖЕЛЫЙ ЧИНГАЙ*

Человечество отряхивается от мелочей. Человек привыкает мыслить крупно, даже межконтинентально:

— Три миллиона тонн...

— Двести миллионов гектаров...

— Четыре миллиона голов...

— Воздушный мост Сидней—Домодедово...

Теперь трудно заострить внимание человека даже на тысяче тонн, километров, гектаров. И если писать, что вот над поселком Марково завиднелась одна звезда, а это значит конец полярному лету, что пастух Келенкев кликнул собаку, погнал стадо оленей, и два волка завыли у подножия Майоровской сопки, вряд ли можно рассчитывать на всеобщность внимания.

И, однако, начать придется именно с этого — с того, что скрипят грузовые нарты, нагруженные меховой палаткой — тордохом, на других нартах припасы и рация, землю лижет поземка, и человек—«крук, крук!» — кричит вороном, оленухи вмиг подбегают к своим телятам, потому что ворон — враг слабого олененка, плотнее сбивается стадо и набирает ход.

* * *

Марково — село материковой Чукотки. Село с аэропортом, школами, парикмахером, совхозом «Марковский» и рекою Анадырем. Ансамбль «Марковские вечерки» вот уже век как родился в этом селе и теперь добывает славу ему в больших городах, проходя на «бис». И точно так же, как спорят в Москве ценители ансамбля И. Моисеева, находящегося всегда вне Москвы, спорят в Маркове пожарный парашютист Кузьминых с баянистом Некрасовым:

— А почему у них на столе самовар? Не было на чукотской земле самоваров. Не Тула! И керосину не жгли, жирник жгли на вечерках.

— Тупарь ты, сосед, — говорит парашютисту Некрасов. — Прыгал много, знать, отпрыгал себе чего-то. Законы сцены тебе известны? Вот, скажем, эффект рампы?

А за окном снег, ртутный столбик термометра сползает к цифре 40, валит дым из труб, и ездовые собаки, забыв распри дня, идут стаями спать на теплые кучи шлака и золы возле котельной общественных зданий и общепита.

Но какой бы ни был час суток, в Маркове слышен стук. По любому времени года совхоз этот исхитряется строить.

* * *

— И означенное письмо, — сказали старику чукче Шитикову, отправлявшемуся толкачом совхоза в Анадырь, — ты сдашь в руки пилотам Москвы, чтобы быстро дошло. А сам пробьешь в Анадыре груз—и домой.

Шитиков сдал письмо, письмо достигло Москвы, ввиду вопиющести фактов вылетел из Москвы ваш корреспондент, достиг Анадыря и встретил здесь Шитикова, который уже третью неделю был на командировочных, груз пробил, но не мог улететь домой.

С Борисом Шитиковым мы ютились в порту еще трое суток, впав в чисто анадырское состояние анабиоза, когда человек происходящего не воспринимает, и только жаргонизм «Рейсовый на Лаврентия!» подбрасывает его, и он мчится, готовый лететь хоть вместо лампочки на хвосте самолета.

Так попали мы в промерзший грузовой ИЛ-14, в нем вез Шитиков электростанцию для своего совхоза и гвозди. Пилоты полярной авиации, а это великие люди, когда они в воздухе, безупречно подняли и привели в Марково самолет. Не дыша, на одних руках люди перенесли тяжкий груз из самолета в тягач и повезли на усадьбу совхоза, буксуя в гигантских сугробах.

* * *

Зимой 1971 года приезжим с материка журналистам говорили знатоки в Магадане:

— Н-нет, Марково мы не советуем, туда ездить не надо: падеж. Пятьдесят лет такого не было — вдруг среди января дождь накрапал. Наст, тундра как застекленная, олени до корма не докопаются. Вот у прибрежных оленеводов — у тех прекрасно идут дела. Это надо ехать, писать!

Магадан предвидел большой падеж в стадах «Марковского», Магадан собирался найти в себе силы, чтобы даже не ругать потерпевших.

А совхоз не дал оленям пропасть. Было 28 тысяч голов, двенадцать стад — столько и осталось, ушло от опасности.

В больших городах северного оленя вовлекли в изучение. Есть уже доктора наук по с. о. Пусть обидятся доктора, но на сегодняшний день пятнадцатилетний марковский чаучу — лучший знаток оленей.

Может быть, не особенно богат чукчанский язык. Но оленная терминология в нем разработана, как не разработают атомную и электронную даже к двадцать третьему веку. Здесь понедельные названия олененку и оленухе до года. Здесь сотни разных названий для взрослых оленей и даже на павших — на каждого термин, смотря от чего он пал.

— А если летом кругом мох плохой, только в одном месте богатый, зимой олешков туда не гони. Оттого мох богатый летом, что зимой снег большой в этом месте, олешки не разгребут.— Так говорит сыну оленный чукча, а потом мальчик, стоя над теленком, мать которого пала, не слезоточит и не нюнит, а решительно расправляет над головой теленка полы камлейки, иначе теленок не будет сосать (ученые, верные себе, назвали такое действие «эффектом затемнения, имитирующим брюхо матери»). Одной рукой мальчик тычет теленку молочную соску, другою рукой в рукавице мальчик трет круп теленка, и теленок сразу бурно сосет.

— Рефлексолог! — восторгаются ученые и фиксируют в книжечку: «эффект сосания в ответ на имитацию лизания матерью крупа теленка».

Это мальчик. А отец мальчика знает, что олень — великий борец со смертью и голодом. Трубчатые кости оленя наполнены жиром, его копит олень прежде всего и расходует в последнюю очередь. И коли голод— по капле расходует олень этот НЗ, а уж если олень упал, значит, бился он до последнего, его кости пусты внутри, хоть бери их на дудочки.

Так вот. Механизаторы «Марковского», его пастухи, руководство совхоза:

а) Изменили маршруты для части стад и увели их в безопасные зоны.

б) В зонах, отрезанных гололедом, организовали разбивку наста техникой.

в) В зоны особой опасности доставляли корма по воздуху.

Было сделано невозможное. Олени не пали.

И работники окружной администрации, уже выпростав руку, чтобы ободрить, похлопать совхоз по плечу: ну, не горюй, браток, ну, падеж, ну, мы вам поможем, — вдруг остались стоять посреди кабинетов с вытянутой рукой, и соболезнования остались невысказанными.

— Да что же это? — возмутились работники.— Ну, Марково! Уже и слепую силу стихии под себя подминают? Им, гляди, все нипочем. Могущественные какие-то очень.

— Вот раз вы такие сильные, — поразмыслив, сказали совхозу, — мы вас будем использовать в кое-каких экономических брешах. Подбросим вам, скажем, дополнительную специализацию. А?

— Нельзя,— сказал «Марковский».— Мы, конечно, хозяйство сильное, но, заметьте, хозрасчетное. Вмешательство других организаций в нашу текущую производственную деятельность не допускается. До свидания.

— Нет-с, постойте!

И, навалившись все разом (Марковский поселковый Совет, райисполком Анадырского района, Анадырский трест совхозов, Чукотское окружное управление сельского хозяйства), пришпилили к совхозному плану строительство: пять теплиц. И каждая стоит четверть миллиона рублей. В самом деле: всегда вмешивались в дела совхоза, а вдруг вот не вмешиваться!

Главный экономист совхоза Демин в зависимости от инстанций начал ходить, ездить, летать. Кричать, говорить, шептать,

— Вы не имеете права! — формулировал Демин.

— Ишо (еще, исчо) как имеем!

— Оленеводство дает нам в год полмиллиона рублей. Две теплицы нас разорят. Пять убьют. Термальных вод в Маркове нет, стало быть, нужен уголь. Тонна угля стоит двести рублей. Отсюда: привозной помидор идет по цене три с полтиной за килограмм, тепличный пойдет по десять. Кто купит?

— А снижайте. Боритесь.

И, помимо теплиц, попирая здравый смысл, навязали совхозу: под картофель площадь расширить в два раза. Под капусту — в два раза. И «Марковский», хозрасчетный, никем ныне не финансируемый, по уши сел в раззор, выращивая центнер картошки за семьдесят пять рублей, а продавая по двадцать три.

— Ну куда ж нам картошка? — унывали в Анадыре ходоки.—Оленеводы мы искони. Горнорудную промышленность кормим мясом. У нас овощеводство, рыболовство, охота убыточные. Не давите на нас. У нас картошка — хоть найми троих академиков над нею колдовать — клубня не образует. Чукотка!

Но выставили за дверь ходоков. Выставили, намекнув деликатно: вы богатый совхоз, вы все стерпите. А коли с теплицами начнете волынить, глядите, можем вдруг не успеть рассмотреть ваш финплан на будущий год.

Так и ушли ходоки, но под это расстройство чувств им еще разных бумаг успели пихнуть в карманы. И вечером, дома, вздевая пиджак на плечики, увидели ходоки бумаги и вскрикнули. Им всучили против их воли пару тракторов Т-4 (в серию не пошли, запчастей к ним не будет). Плюс три бульдозера: вы просили один — один вам, а за другие тоже платите и ими готовьте площадь под сенокосы для совхоза «Северный». И вот еще ваши аэросани К-30 ценою 52 тысячи рублей. Сани мы, окружное сельхозуправление, забираем у вас просто так, без оплаты, чтоб вам не было жирно.

— Слушайте,—щипая себя за кожу, чтоб не сорваться, звонил в Анадырь главный бухгалтер Гец. — У нас уже нет ничего. Нам не на что расширяться. Электростанциям, пилорамам, полевым рациям, вездеходам, палаткам, профилакториям, культбыту, комбикормам, запчастям, станочному парку — крест. Точка. Мы без штанов. Передаю по буквам: Крест, Роман, Ерунда, Софья...

— Товарищ Гец, вы какой-то утомительно длинный. Дайте директора. За него зоотехник? Костенко, привет. Вот слушайте: вам будут звонить из райисполкома, у них горит план по мясу. Они будут давить, чтоб вы сдали оленей. ПРЕДЛАГАЕМ не сдавать, вы нам план поголовья провалите. Привет и вот еще что. Вы наймите радиста в контору, дважды в день будем выходить с вами на связь. Для лучших контактов.

И нервы сдали у товарища Геца. «Как лев, как тигр и как кошка», прыгнул щуплый бухгалтер, вырвал трубку из рук зоотехника.

— Зачем же нам рация? — голосом первой гитарной струны спросил главный бухгалтер. — Телефон Министерства связи СССР соединяет нас с вами в Анадыре, он соединяет нас с Магаданом. Черт возьми, телефон соединяет с Москвой, и, видит бог, мы с нею соединимся. Сорокаминутный ежедневный радист будет стоить нам в год четыре тыщи рублей. Вы понимаете или мне сразу заплакать?

Анадырь не понимал. А поскольку главбух двусторонне защечно и подъязычно держал валидол, с райисполкомом говорил потом зоотехник. Вернее, слушал:

— Здрасьте, Костенко. Из окружного сельхозуправления, небось, вам звонили? Небось, говорили, что план по поголовью горит и чтоб вы не сдавали оленей? Так вы сдавайте, не то наш план по мясу провалите. СОВЕТУЕМ СДАТЬ.

* * *

А пастух Келенкев гонит стадо к Черному Камню, временному месту свидания стад с авиацией, но по этому времени камень стоит до макушки белый, в снегу.

— Нымелькин, хорошо, — говорит Келенкев,— вот пришли. Устали. Олешки тоже устали.

Пастухи варят чай в большом чугуне, называемом почему-то «братской могилой», а умные олени, все две с половиной тысячи, спешат закопаться в снег, так что хвост один торчит из-под снега. В снегу тепло. Олень знает: если в такой мороз и найдешь самый богатый ягель, то, пока откопаешь его да будешь жевать, вымерзнет больше сил, чем прибудет от съеденного. Так что лучше пережидать. Лежать экономнее.

Пастухи уже поставили чум, и Келенкев идет в чум, где висит на шесте «Спидола», бормочущая, что сегодня наша команда принимает клуб «Стандард», бельгийскую команду из Бельгии, и что судит встречу австрийский судья из Австрии. Тут же висят бинокли, такими пользоваться бы в театре, глядеть из третьего ряда на даму в первом, и ракетницы — в зимнее время можно палить, а летом чукча, попав даже в большую беду, не станет вызывать помощь ракетницей, потому что во все века оленный человек не поджигал тундру, а ракет холодного пламени в городах по сей день не придумали.

Скоро будут пурги — много работы. Оленухи теряют телят. Чем олень крапчатей, тем больше одомашнен. Чем больше одомашнен, тем хуже из оленухи мать. После пурги мы найдем всех потерявшихся обессиленных оленят и положим в ряд, а потом прогоним вдоль него стадо, и все матери найдут своих маленьких. Потом зацветет пушица и звезда погаснет — начало лета.

Пастух любит оленей больше себя, пастух говорил раньше: пусть лето будет мокрое и холодное, мне будет плохо, но зато оводы не уродятся, чтобы класть яйца под шкуру телят. А теперь — пусть солнце греет. Сашка-вездеходчик пройдет перевал, подрулит к стаду и опять обрызгает его компрессором. Направит вверх трубку, порошок летит по ветру на стадо, а дыхалки овода спрятаны у него под крыльями, туда порошок попал — нету овода. Олени раньше боялись Сашку, а теперь не бегут, ложатся.

Тордох выстывает, спит бригада, приготовлены к вывозке туши оленей, мешки языков, и за много сот километров от Черного Камня расчехляет мотор самого рентабельного самолета Аэрофлота — АН-2 — пилот Гена Татаринов.

Он будет развозить весь день продукты на летние трассы пастбищ (тара за счет пастухов, иначе Смешторг не согласен). С ним будет попутно летать милицейский офицер, уроженец Одессы (здесь он за все и про все: он ОБХСС, он и угрозыск), полетит в Чуванское парень, прижавши к груди ствол березы (большая ценность, на топорища), потом будут Ламутское, Ваеги (Рио-де-Ваеги, как здесь называют, потому что березы растут в Ваегах, по чукотским меркам самая что ни на есть Бразилия), будут Отрожное, Усть-Белая, отчаянные посадки и взлеты, и Татаринов скажет:

— Я мерзну. Перевпечатлишься на взлете, а как выровняю полет, знобит и знобит.

— Сорок три, — говорит про мороз зоотехник Костенко и отворачивается, чтобы не видеть, как Черный Камень близится навстречу самолету и радостно машут там, внизу, пастухи. Зоотехник Костенко в совершенстве выучил чукчанский язык, но разве приятней звучат по-чукчански слова: «Я ничего не привез вам. Я хотел привезти говорящие письма, но нет денег на магнитофоны. Я хотел привезти вам дельную радиостанцию, но нам навязали восемь паршивейших «Недр». Мы в убытках. Такой у нас теперь чингай...»

И пока стоит самолет, пока пьется чай, понимающий Келенкев правит беседу в обход проблемы совхозного хозрасчета.

И вот Гена Татаринов открыл фонарную боковинку кабины, звучит «От винта!», чихает мотор, но чукчи — лучшие в мире мимы, Келенкеву не надо слов, он стоит на Камне, говоря лицом и руками:

— Чингай хорошо на ноге одного оленя. Зачем стадам надевают тяжелый чингай? Олень знает три пути: на север, на ветер, в гору. Разве это не то, что надо?

Анадырский район.
Магаданская область.

* *Чингай — груз, привязываемый к ноге оленя, чтобы тот не убежал далеко.*

— Миша, что случилось?

— Родственники в гости понаехали. Иду другую берлогу искать...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

ТЕЛЕФОН

Рассказ

В. КОНЯХИН

Петров шел по улице и вдруг услышал телефонный звонок. Он остановился — сигнал раздавался из автомата. Петров зашел в будку и снял трубку.

— Петров?

— Да...

— Ты что, спишь?

— Нет. Я шел мимо и услышал звонок.

— Где ты шел мимо и почему не на рабочем месте?

— У меня обеденный перерыв, и я прогуливаюсь.

— Кто тебя научил в конце месяца прогуливаться?

— Никто. Просто вышел развеяться.

— Перекрытия пятого этажа завезли?

— Нет.

— А лестничные марши?

— Нет.

— А как ты думаешь дом дальше строить?

— Так ведь, как обычно, перейдем на строительство открытого рынка.

— И ты после такого решения вышел развеяться?

— Я ждал звонка из отдела снабжения и не дождался: обеденный перерыв как раз.

— А ты сам не мог им позвонить?

— Я им звонил в начале месяца.

— А сколько тебе положено по графику звонков в месяц?

— Гм... мм.. Это нигде не написано.

— А ты что читаешь?

— Директивы... приказы...

— Ну вот, приезжай в трест и прочитай приказ о своем увольнении.

— Иван Иванович, ведь я болею за производство.

— Какой я тебе Иван Иванович?

— Так вы не Иван Иванович? А кто?

— А я с кем разговариваю?

— Я Петров.

— С какого стройуправления?

— СУ-тринадцать.

— Значит, я звоню не в СУ-двадцать один?

— Нет, вы звоните на улицу.

— На какую улицу?

— Десятая Строительная, в телефон-автомат.

— Слушайте, не хулиганьте! Это вы звоните мне из телефона-автомата.

— Больше мне делать нечего, как звонить всяким из автоматов! Я же вам рассказывал, что шел мимо и услышал звонок. Снял трубку, а вы сразу приказ об увольнении.

— Работать надо. Тогда никто не будет вас увольнять.

— Мы работаем.

— Ждете звонков из отдела снабжения? Это называется работа? Проклятые телефоны, связывают с чужими лодырями, когда тут и со своими сладу нет!

В трубке стукнуло и противно загудело. Петров постоял еще немного, потом заторопился на работу. Телефон, может, и неисправный, только чем черт не шутит...

— Заштопайте, пожалуйста. А то на работе не угодишь начальству, а потом локти кусаешь...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

ВНИМАНИЕ: АНТИКОММУНИСТЫ!

Г. ГЕРАСИМОВ

СЕНАТОР СТУЧИТ КУЛАКОМ

Сто американских сенаторов, заседающих в Вашингтоне в здании на Капитолийском холме, представляют попарно 50 штатов, и после их фамилий обычно указывают в скобках название штата и заодно партийную принадлежность сенатора. Например: сенатор Генри Мартин Джексон (дем., штат Вашингтон).

Злые языки заявляют, однако, что Джексон — никакой не демократ и представляет он в Вашингтоне не штат Вашингтон, а фирму «Боинг». Прямо так и называют, даже в газетах: «сенатор от «Боинга». «Боинг» же, всем известно, — заслуженный поставщик двора Его Величества Пентагона, снабжает тамошних вояк стратегическими бомбардировщиками и другими громыхающими чудовищами.

Такое звание надо заслужить, и Джексон носит его вполне заслуженно. Синеглазый 59-летний бодрячок не курит, даже кофе не пьет, не говоря уже о более крепких настоях, чтобы, как он поясняет, «не распылять жизненные силы». Все свои жизненные силы без остатка он стремится отдать торговцам смертью. И сил этих немало: по свидетельству американского журнала «Нейшн», «у Джексона телосложение футбольного защитника. Он акцентирует внимание на той или иной проблеме тяжелым ударом кулака».

Чуть ли не каждый день сотрясают Капитолийский холм тяжелые удары джексоновского кулака. Они, пожалуй, даже стали привычными, как, скажем, гул самолетов, то и дело снижающихся над Пентагоном для посадки на столичном аэродроме «Нэшнл». Вашингтонский старожил Джексон заседает в американском конгрессе вот уже 30 лет, и просто поразительно, как за такой срок он кулак-то не отбил.

Удар! Джексон объявляет, что разглядел на советской территории «сорок ям, вырытых в земле». А это значит, что «опрокидывается общий баланс стратегического разоружения», грохочет сенатор. Фирмы, поспешайте с получением новых военных заказов! По поводу этого конкретного кулачного удара сенатор Уильям Проксмайер заметил, что Джексон запугивает американцев в надежде на «еще более жирный военный бюджет».

Опять удар! Джексон публикует в журнале «Нейшнс бизнес» статью «Как не вести переговоров с русскими», где доказывает, что такие переговоры — дело гиблое, поскольку русские все равно обведут наивных американцев вокруг пальца.

Еще удар! Джексон объявляет, будто Советский Союз — «опасный враг, действия которого непредсказуемы», будто СССР преисполнен «злых умыслов». Впрочем, как посмотреть. Для фирмы «Боинг» стремление Советского Союза к нормализации советско-американских отношений вполне может выглядеть злым умыслом против ее сверхприбылей!

Слушая буханье джексоновских ударов кулаком, нетрудно догадаться, как выглядит его политический портрет в полный рост. Да, он за войну во Вьетнаме и был одним из самых красноречивых ее адвокатов с самого начала. Тут, кстати, он стучит уже не кулаком, а костяшками домино: во Вьетнаме — никаких уступок, если, мол, там уступить, то все азиатские союзники США падут, как костяшки домино, цепляясь друг за друга. Джексон верит в «теорию домино» так же фанатично, как иные — в судный день.

Разумеется, он против сокращения американских войск в Европе, считая его сейчас, 27 лет спустя после войны, «излишне поспешным шагом». Вестимо, он был против Договора о запрещении ядерных испытаний. Естественно, он активно выступал за развертывание ракетных систем. Ясно, что он безоговорочно поддерживает Израиль и активно участвует в антисоветской сионистской кампании, распространяя самые несуразные небылицы.

Газета «Вашингтон пост» называет Джексона «рыцарем холодной войны». Точнее бы назвать его «рупором военно-промышленного комплекса». На всех регистрах звучит низкий баритон Джексона, звучит сразу во многих местах — энергичный бодрячок занимает с десяток кресел в важных комиссиях и подкомиссиях сената, создавая впечатление, аналогичное тому, которое создавал Фигаро: Джексон здесь, Джексон там. По длине перечень его заседательских мест сравним с перечнем титулов королевского величества. Вот лишь часть свитка:

Председатель сенатской комиссии по внутренним делам; председатель подкомиссии по национальной безопасности и международным операциям; председатель подкомиссии по применению атомной энергии в военных целях; член подкомиссии по военным ассигнованиям; член комиссии по делам вооруженных сил и пр., и т. п.

Высоко летает сенатор от «Боинга», но метит еще выше. Он, например, отклонил в свое время предложение президента США Ричарда Никсона занять пост министра обороны. Джексон решил, что сам может попытаться стать президентом, и выдвинул собственную кандидатуру на президентских выборах нынешнего, 1972 года. Поддержка военщины обеспечена сенатору, которого журнал «Ньюсуик» называет «героем Пентагона» и «твердокаменным антикоммунистом».

Когда мы в следующий раз услышим тяжелые удары джексоновского кулака, будет ясно: он стучится в Белый дом.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, КОЛЛЕГИ!»

В одноименном фельетоне Р. Киреева рассказывалось о том, как делегация хлебоприемного пункта «Передовой», Изобильненского района, что в Ставропольском крае, проверяла выполнение соцобязательств Григорополисским хлебоприемным пунктом. Важное мероприятие обернулось пьянкой со всеми вытекающими отсюда вредными последствиями («Крокодил» № 31, 1971 г.).

Как сообщили редакции секретарь Ставропольского крайкома КПСС тов. Н. Жезлов и секретарь Изобильненского РК КПСС тов. Г. Сыщиков, за грубейшее нарушение партийной и трудовой дисциплины, извращение принципов социалистического соревнования и участие в коллективной пьянке в рабочее время руководитель делегации главный инженер хлебоприемного пункта тов. В. Красько освобожден от работы, ему объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Плановик-экономист тов. А. Иванов исключен из рядов КПСС и снят с работы, бывшему секретарю парторганизации тов. А. Врацкому и члену КПСС тов. И. Алтухову объявлены строгие выговоры с занесением в учетную карточку, оба они освобождены от занимаемых должностей. Бухгалтер И. Самохвалов за хулиганские действия приговорен народным судом к году лишения свободы. Остальные члены делегации, выезжавшей на Григорополисский хлебоприемный пункт, привлечены к дисциплинарной ответственности.

За слабую организацию воспитательной работы в коллективе объявлено строгое партийное взыскание директору хлебоприемного пункта тов. И. Фоменко. Бюро райкома КПСС обязало партбюро, местком и дирекцию хлебоприемного пункта изжить формализм в организации социалистического соревнования и повысить уровень организационной, массово-политической и воспитательной работы в коллективе.

Фельетон также был обсужден на партийном собрании Григорополисского хлебоприемного пункта. Председателю месткома Н. Тitаренко объявлен выговор, С. Волчаков, А. Смирнов и А. Москалева строго предупреждены.

«СЕРГАЧСКИЙ СЮРПРИЗ»

О плохом качестве кнопок, выпускаемых Сергачским промкомбинатом, речь шла в одноименной заметке («Крокодил» № 27).

Руководители Сергачского промкомбината сообщили нам, что выступление «Крокодила» обсуждалось на общем собрании рабочих и служащих промкомбината. Виновные в выпуске недоброкачественной продукции наказаны. В настоящее время почти полностью изменен технологический процесс выпуска кнопок с целью повышения их качества.

«ЗА ФАСАДОМ «КАВКАЗА»

В заметке, опубликованной под таким заголовком в № 19, говорилось о том, что центр Краснодара заполонили комодно-сундучного типа гаражи для индивидуальных автомашин, и ничто не могло воспрепятствовать захламлению города: ни протесты общественности, ни распоряжения архитектора...

Как сообщил редакции заместитель председателя Краснодарского горисполкома тов. А. Ильин, выступление журнала признано правильным. Решением горисполкома председатель Первомайского райисполкома тов. А. Леонтьев строго предупрежден. Горисполком предложил Первомайскому райисполкому снести самовольно возведенные гаражи.

«ЧТО ДОРОЖЕ!»

Так назывался стихотворный фельетон В. Алексеева, опубликованный в № 22 «Крокодила», об излишней бдительности работников люберецкого продовольственного магазина самообслуживания № 20. О бдительности, переходящей в оскорбительную подозрительность по отношению к покупателям.

Директор Люберецкого райпищеторга тов. Смирнов сообщил редакции, что фельетон обсуждался на совещании директоров всех магазинов райпищеторга, а также в коллективе магазина № 20. В магазине расширен расчетный узел и установлены стеллажи для хранения сумок покупателей. Директору магазина тов. С. Мурею объявлен выговор.

ДАБЫ СТИМУЛИРОВАТЬ...

На Курфюрстендамм, что в Западном Берлине, встретились двое старых знакомых.

— Послушай,— обратился к приятелю Курт.— Ты ведь член христианско-демократического союза?

— Допустим,— без особого энтузиазма отозвался приятель.— Но что из этого?

— Как что! — оживился Курт.— В таком случае, Михель, мы сможем устроить неплохой гешефт. Ты рекомендуешь меня в ряды ХДС и получаешь взамен хочешь транзисторный приемник, а хочешь — двухнедельную бесплатную поездку на два лица в Баварию...

— Что ты городишь?..

— Не перебивай,— строго сказал Курт.— Дальше ты выходишь из ХДС, а спустя неделю я рекомендую тебя и твою супругу опять в тот же христианско-демократический союз. Теперь награда уже в моем кармане — телевизор лучшей марки! Не веришь?

И он развернул перед носом приятеля последний номер еженедельника «Берлинер рундшау» — органа ХДС Западного Берлина. Черным по белому значилось там обращение к членам христианско-демократического союза. «Каждый член нашей партии понимает,— читал изумленный Михель,— насколько важно увеличение численности ее рядов. Для того, чтобы еще больше стимулировать эту кампанию, правление земельной западноберлинской организации ХДС учредило специальные премии за привлечение новых членов...»

Глаза Михеля быстро бежали по строчкам. О, руководство ХДС не поскупилось и учредило премии сразу трех категорий! За привлечение одного человека в партию — те блага, о которых уже поведал Курт. За привлечение двоих — бесплатная двухнедельная поездка в Австрию с полным обеспечением или телевизор. Ну, а кто завербует трех человек, может рассчитывать на опять-таки бесплатную двадцатидневную поездку в Испанию вдвоем.

— Гм, гм,— откашлялся Михель,— но почему именно в Испанию? Там же отсутствие демократии, тоталитарный режим... Поймут ли нас правильно с политической точки зрения?

— А что, по-твоему,— ехидно спросил Курт,— поездка в Баварию, к герру Штраусу чем-нибудь лучше?

И. МЕЛЬНИКОВ

В ходе обостряющейся американо-японской «торговой войны» США сократили импорт японского текстиля, чем нанесли тяжкий удар японской текстильной промышленности.

Скатертью дорожка...

Рисунок В. ШКАРБАНА

Известный американский гангстер Меир Лански перебрался в Израиль, где ему гарантирована полная безопасность.

ПОСТОЯЛЬЦЫ

Г. ТРОЕПОЛЬСКИЙ

В канун Нового года в Продолговатом зале редакции собрались свободные от сатирической вахты крокодильцы — литераторы и художники. Так как все почему-то оказались свободными от вахты, свободных мест в зале не было. Перед собравшимися появился прибывший из Воронежа известный писатель-сатирик Гавриил Николаевич Троепольский и познакомил их со своим новым произведением — комедией «Постояльцы».

Комедия понравилась аудитории, и было решено:

а) напечатать отрывок из нее на страницах журнала;

б) устраивать Крокодильские чтения регулярно, чтобы знакомить читателей с законченными новыми крупномасштабными произведениями сатириков и юмористов (сатирический роман, повесть, комедия, сценарий комедийного фильма).

Сегодня мы представляем читателям четвертую картину из второго действия комедии «Постояльцы». Полностью пьеса была опубликована в воронежском журнале «Подъем». В основе сюжета пьесы — судьба председателя колхоза Леонида Иванова, которому грозят снятием с поста: он стравил плохо взошедшую кукурузу скоту, а потом засеял поле просом. Кроме того, он резко выступил против скверно выполненного проекта мелиорации земель колхоза. Приехала комиссия, в составе которой оказался лишь один объективный ученый — Кислов, а другие — Бояров, Чекмарь — готовы любыми способами выполнить полученные указания — снять Л. Иванова с поста. Им помогает Свищ, бывший председатель колхоза, специализирующийся на доносах. Студентка сельскохозяйственного института Анюта, колхозники Силков, Кузин стоят за Иванова, и, когда их вызывают для объяснения в комиссию, они, чтобы не подвести председателя, прикидываются простачнами.

Дом для приезжих. Окно в общем номере открыто. За столом, заваленным бумагами, сидит хмурый Чекмарь. Торопливо укладывает чемодан Кислов. Медленно и важно ходит взад-вперед Бояров. Перебирает свои жалобы Свищ. Все в напряжении.

Свищ. А может, речка вовсе нам и не нужна? Бывало, в воскресенье выгоняешь на работу, а они — с удочками, полный берег, по окуням. Она дисциплине мешает, речка. Она влияет роль на производительность.

Кислов (С в и щ у). Если вам дадут указание вспахать все улицы села на метровую глубину и так оставить навечно, вы выполните «план»?

Свищ. Согласно указаний — все правильно: может, на той глубине вредность какая найдена.

Кислов (Ч е к м а р ю). Вот так вы и с речкой: понизили уровень воды на два с половиной метра, удушили Красавку, иссушили пойму. А теперь не желаете огласки, заметаете сор в темный угол, боитесь за свою шкуру.

Чекмарь. Прекратите!.. А еще мелиора-атор!

Кислов. Люблю свою профессию. Кстати, знаю и разницу между «осушить» и «иссушить».

Чекмарь. Ничего вы еще не знаете!

Свищ. Я считаю, это недоразвитость.

Кислов. А вокруг сухая степь, где каждая капля воды дорога в почве и в воздухе, где черные бури уже иногда закрывают небо и над черноземным краем... Черные бури — зловещий гость грядущей пустыни. Черные бури — предвестник наказания за вековое бездумное «наступление» на природу... Плотины тут ставить, а не пускать воду в море. И орошать!.. Я против «установки» защищать проект во что бы то ни стало. Нечестно так! Не буду. (Ч т о - т о в с п о м и н а е т.) «Исчезают безвозвратно чудные пейзажи... Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее»...

Чекмарь. Какой статистикой докажете? Вредные слова. Стыдитесь!

Кислов. Слова Астрова. «Дядя Ваня» Чехова.

Свищ. А вашему дяде Ване, думаете, не влетит? Честные люди найдутся! Вот только вырезку найду — и приспособлю.

Бояров (К и с л о в у, з н а ч и т е л ь н о). Вы... с Ивановым разговаривали?

Кислов (р е з к о). Ну и что? Разговаривал не раз. Иванов прав — я буду его защищать. Вам-то что?

Бояров. Грубо и недостойно культурного человека. Эх вы! (В о з в ы ш е н н о.) Человек должен быть лучше!.. Так-то. Зарубите на носу, молодой человек.

Кислов. Да, должен быть. А он? Разрушает природу всеми грозными средствами и кричит: «Человек должен быть лучше! Держи вора! У-лю-лю!» Не хочу так. То, что сварганили тут с речкой,— это отрыжка того времени, когда корова была важнее человека. Впрочем, тут и коровам сделали плохо.

Чекмарь. Та-ак... На мне ответственность за ход дела — обязан в докладной изложить о вас все. Кума́ с воза, а ку́ма «на ковер», свечкой! Можете быть свободны.

Кислов (б е р е т ч е м о д а н ч и к). Но совести своей вам не отдам. (В ы х о д и т в п р и х о ж у ю.)

Бояров. Помолчим. Успокоимся. Подумаем.

Н е м а я с ц е н а: в с е в т р о е м д у м а ю т. В х о д и т в п р и х о ж у ю А н ю т а.

Анюта (К и с л о в у). Спасибо вам, Петр Андреич! Я все слышала из палисадника — никогда не забуду.

Кислов. Будем друзьями... Вас ждет Леонид Петрович. Очень важно. Пошли. (Б е р е т е е п о д р у к у. У х о д я т.)

Бояров (р е ш и т е л ь н о). Начнем. (С в и щ у.) Во-первых, удаляйтесь! Пока не позовем, не появляться. Вы тень!

Свищ. Я тень! Понятно! Раз уж я не должон знать, то я ничего не должон знать. Понятно! Вот оно: дисциплина! (У х о д и т.)

Чекмарь. Во-вторых, исправим мою ошибку. Сначала вызвать Силкова и Кузина, согласно телефонограммы, а потом уж Иванова.

В х о д и т И в а н о в.

Иванов (з д о р о в а я с ь). Иванов.

Бояров (п о д а в а я р у к у). Бояров, специалист-кормовик, заведующий филиалом института.

Иванов. Очень приятно, очень.

Чекмарь. А кто я, вы догадались: Чекмарь.

Иванов (п о ж и м а я р у к у). Чрезвычайно приятно познакомиться. (С а д и т с я.)

Бояров. М-мда-а... Ну, как жизнь?

Иванов. Идет.

Бояров. Прогрессируем?

Иванов. Обязательно.

Бояров. И в чем это выражается конкретно?

Иванов (т о н о м о т ч е т а н а о ч е р е д н о м с о в е щ а н и и, н е п о х о ж е н а с е б я). В колхозе уже нет ни одной хаты под соломой, кроме как у Махоткина. Фермы рентабельны, хотя в половине колхозов района убыточны. И кроме того, товарищи, за двадцать четыре рабочих дня этого месяца — тридцать совещаний и мероприятий; по сравнению с прошлым годом за тот же месяц на семь совещаний больше. Прибавьте три комиссии. Прогрессируем! Все председатели колхозов с высшим образованием, и потому на каждом совещании их убеждают неустанно: удобрения — хорошо для урожая, сеять надо вовремя, убирать без потерь, осушать и там, где сухо, и не трогать кукурузу, даже если всходы получились от будыля до будыля на четыре кобеля. Таково положение за отчетный период.

Бояров. Это вы через край-ай... Как это — «кобеля»?

Чекмарь. Да-а... Лишнее на себя берете. Надломиться можете.

Иванов. Сколько унесу, столько и беру... Когда же созвать собрание колхозников?

Чекмарь. Позво-ольте! Вопросы комиссии не подлежат обсуждению на собраниях. Колхозники не специалисты. А мы рассматриваем вопросы специальные, технические.

Бояров. В комплексе.

Чекмарь. Заседание правления — пожалуйста: информируем о выводах. А технические вопросы, извините, по материалам комиссии решат там... (П а л ь ц е м в в е р х.)

Бояров. Не можем мы по таким частностям, как речка и кукуруза, устраивать плебисциты, референдумы. Вы меня понимаете?

Иванов. Ваша «линия» для меня ясна. Благодарю вас... Очень приятно для начала, очень. Желаю успеха. (У х о д и т.)

Бояров. Игриво... Игриво ведет беседу. Судя по тону, он что-то задумал против нас.

Чекмарь. Сейчас же, немедленно вызвать Силкова и Кузина, пока он не принял к ним мер. Более срочного дела не знаю, дороги минуты... Попали мы с вами в колхозик. Да-а...

Бояров. Попали...

Чекмарь. Будем начеку, Аким Карпович: все должно быть в строжайшем секрете. Даже Свищ ничего не должен знать о телефонограмме.

Бояров. Насчет секрета вы правы: мудрый человек никогда не ест лишнего, не пьет лишнего, не спит лишнего и не говорит лишнего.

В х о д и т А н ю т а.

Анюта (п о - с т р о е в о м у). По вашему приказанию рассыльный явился!

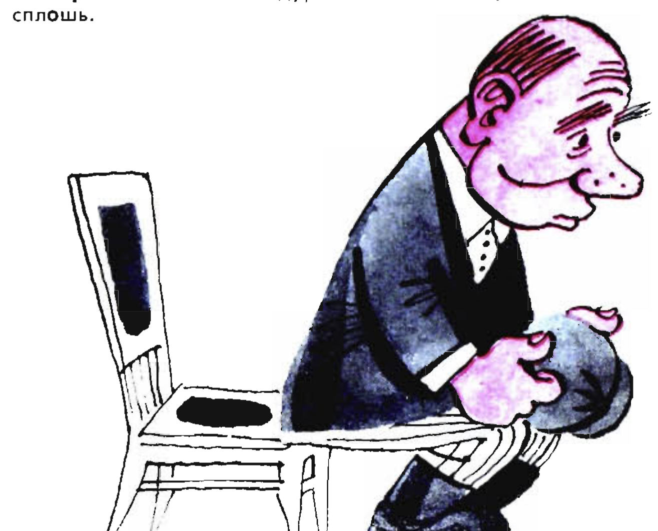
Чекмарь. О! Анна Кострова. Это уже надежно. Срочно вызови Силкова и Кузина... Постой. Ты никому о телефонограмме?

Анюта. Р-рыба! Глухонемая! Кого первым?

Чекмарь. Молоде-ец. Ну и молодец! Первым Силкова.

А н ю т а у х о д и т.

Бояров. То бывают дурочки в полоску, а эта — сплошь.

Чекмарь. Надо срочно подготовить вопросник. А вы — проектик заявления от них.

Р о ю т с я в б у м а г а х, с п е ш а т, п и ш у т.

В х о д и т в п р и х о ж у ю С и л к о в.

Силков (к р е с т и т с я и ш у т е й н о). Господи благослови!

Чекмарь. Работать будем по очереди, с глазу на глаз. Начинать с более легкого — с кукурузы. Я и начну, наверно?

Бояров. И опять не возражаю. Сделайте одолжение! А я пойду — чайку... Проектик заявления здесь. (В ы х о д и т в п р и х о ж у ю и С и л к о в у.) Гм-м... Силков или Кузин?

Силков. Силков.

Бояров. Наверно, молчи и соглашайся — проще будет.

Силков. Ручного тормоза на языке нету — техника не достигла.

Бояров. Я, дорогой мой, мно-ого пинков получал за то, что говорил, но никогда еще не страдал оттого, что молчал и не возражал.

Силков. Умно. Спасибо за совет. С нонешнего дня так и буду жить.

Бояров. Вот и отличненько. (У х о д и т.)

Чекмарь. (в д в е р ь). Заходите... (С и л к о в в х о д и т в н о м е р, м н е т с я у д в е р е й.) ...Садитесь. (С а д и т с я з а с т о л.)

Силков. Здравствуйте. Мы постоим.

Чекмарь. Фамилия?

Силков. Можно и сесть. Это вы, стало быть, про меня?

Чекмарь. Ваша фамилия?

Силков. Аль вы меня не знаете? Наша фамилия Тарас Палыч Силков.

Чекмарь. Та-ак. Вы были прицепщиком на тракторной сеялке?

Силков. На какой?

Чекмарь. На обыкновенной.

Силков. Их у нас двенадцать сеялок тракторных, обыкновенных. Какой номер?

Чекмарь (н е р в н и ч а е т). Не знаю. Вы кукурузу сеяли?

Силков. Какую кукурузу?

Чекмарь (в д а л б л и в а е т). Ту кукурузу, какую ты сеял, загубили?

Силков. Да какую, прости господи, кукурузу?

Чекмарь. Ту, какую ты сеял.

Силков. Еще раз извиняемся, в каком поле?

Чекмарь. В том, в каком ты сеял, потравили?

Силков. Колхоз большой — пять бригад. А вы-то знаете, в каком поле?

Чекмарь (н а в ы с о к о й н о т е). Не знаю, не знаю. И знать не хочу!

Силков. А разве ж так можно: не знаю, а потравили?.. Так вы, стало быть, насчет чего?

Чекмарь. Ку-ку-ру-зу! Потравили?!

Силков (е щ е с п о к о й н е е). Дак я ж не пастух, извините за выражение. И не корова. И даже не овца. И я, извиняюсь, кукурузу на корню не ем.

Чекмарь (в ы т и р а я п о т). Ты либо хитрец, либо ду...

Силков. Ни то, ни другое. Я от природы боязливый. Бывало, бабка-покойница поведет к обедне, так я попа боялся. А как увидал еще портки у него под юбкой мужичьи, так и вовсе перестал ходить в церкву. Страшно! (П е р е д е р н у л с я.) Боязливый я, вот в чем корень зла.

Чекмарь. Ты... ты кукурузу сеял?

Силков. Какую?

Чекмарь. Боже мой!

Силков. А вы в бога верите?

Чекмарь. Ух! (О ш а л е л о с м о т р и т н а С и л к о в а.)

Силков (у с т р а и в а е т с я н а с т у л е п о у д о б н е й). А правда, бог, он, наверно, есть. Вот у нас колхозник был, помер года три назад, по фамилии Убейбог. Ей-ей, не брешу. Хороший человек был. Пензию получал. Все равно помер. Закурить можно? (З а к у р и в а е т.) Да. Заехала его кобыла в лужу с возом — и стала. Стоит, стало быть, стерьва — ни с места. А Убейбог на сухом причитает: «Ну, Рыжуха! Ну, что ты из себя воображаешь? Русского языка не понимаешь, что ли? Научаешь, научаешь тебя, а ты — ни в дуб копытом. Совесть-то у тебя человеческая есть?» Застыдил кобылу начисто. А она ни ухом, стерьва. Да. Ка-ак закричит Убейбог на всю улицу: «Боже ж ты мой! Да помогни ты мне хучь за мою фамилию!» Что ж вы думаете? Поехала, жирафа несчастная. Выехала! Так что бог, он, вполне возможно, есть. Как вы на это скажете?

Чекмарь (у ж е п р о с и т е л ь н о). Ох... Убей бог, не выдержу.

Силков. Фамилия у него, конечно, не соответствует. А скажите, пожалуйста, кто это выдумывает фамилии для народа?

Чекмарь. Не знаю... В каком поле? Кукурузу сеял?.. Давай... поговорим по душам.

Силков. Я и так от всего сердца. (Р е ш и т е л ь н о.) Давайте начнем сызнова!

Чекмарь (в с к а к и в а е т). Проклятье! (В ы ш е л в п р и х о ж у ю, п ь е т в о д у, в о з в р а щ а е т с я.)

Силков. Уходить, что ли?

Чекмарь. Продолжим...

Силков. Опять по первому вопросу?

Чекмарь. С другого конца. Какие у вас взаимоотношения с председателем колхоза Ивановым?

Силков. Как это понимать?

Чекмарь. Ну, как он вас, и как вы его считаете?

Силков. А я его не считаю. В чужом кармане не хозяин. А уж как он меня считает,— у него надо спросить. До него-то как считали? (П а л ь ц е м в в о з д у х е, к а к н а с ч е т а х.) Трудодень — палочка, усадьба — выручалочка. Пуд посеешь, два возьмешь и до дому принесешь. Так меня считали. А этот — хи-итрый!

Чекмарь (ч у т ь в е с е л е е). А что? Не дает ходу?

Силков. Кто?

Чекмарь (в н о в ь р а з д р а ж а я с ь). Он, Иванов.

Силков. А чего он?

Чекмарь. Не дает вам ходу. Не дает?

Силков. Не-ет, дал. Первейший ходок в районе. Мысль, а не ход. Еду, а тарелки у осей так и цокотят про меня: тара-тарас! Тара-тара-тарас! Все наперед знают — Тарас едет! А ежели ее колесной мазью, чин-чинарем, то «Запорожец» и в подметки не потянет. Баян, а не ходок. Фисгармонья! Вот какая у меня телега! (Н е о ж и д а н н о с с о ж а л е н и е м.) Только вот... эх!.. Колесной мази в продаже редко бывает. А скажите, пожалуйста, почему стало колесной мази так мало на белом свете?

Чекмарь (в б е с с и л и и). Друг он вам... или враг?

Силков. Кто?

Чекмарь. Председатель!!!

Силков. Теперь понимаю. Отвечаю: враг!

Чекмарь. Вот что от вас и требовалось. Подпишите вот это... (С у е т б у м а г у.) ...И вашему врагу каюк.

Силков. А что тут в бумаге?

Чекмарь. О той самой кукурузе!

Силков. О какой-такой кукурузе? (Б у д т о д о г а д ы в а е т с я.) А-а, тогда давайте, правда, сызнова, чтобы не спутаться. (С н о в а п е р е д в и г а е т с я н а к р а е ш е к с т у л а.) Наша фамилия, стало быть, Тарас Палыч Силков.

Чекмарь (к п у б л и к е). Братцы! Что же это такое?! (Б е г а е т п о с ц е н е, к р у ж и т у с т о л а и о к о л о С и л к о в а.) И это называется союзник!

Силков (н е в о з м у т и м о и т в е р д о). Враг он мне, председатель...

Ч е к м а р ь о с т а н а в л и в а е т с я к а к в к о п а н н ы й.

...Но боязливый я, в чем и корень зла, говорю. Только и утешения — ни снять меня, ни уволить неоткуда: должность моя навечно — колхозник. Совсем было я собрался в город, хоть бы дворником. А его назначили — не поехал. Судьбу мою, стало быть, возвернул назад. Да. Вот у нас Аришка Кривая. Бедность в те года перенесла такую — ни в сказке сказать. Тоже хотела, полубосая, в город — оказать честь областному центру. А куды ей, недотепе? Не понимает.

Чекмарь. Ох!

Силков. А при Иванове не поехала. И дом теперь — под железом оцинкованным.

Чекмарь. Гибну!

Силков. Стало быть, мне иттить?

Чекмарь (к р и ч и т). Итти-ить!!!

Силков (в с т а е т). Затем до свиданья. (У х о д и т.)

Ч е к м а р ь з а п р о к и н у л г о л о в у н а с п и н к у с т у л а, в б е с с и л и и о п у с т и в р у к и. В х о д и т в п р и х о ж у ю К у з и н.

Кузин (у к а з ы в а я н а д в е р и). В эту или в эту? Надо влево повернуть, повернул направо...

В х о д и т Б о я р о в.

Бояров. Поем, значит? Забавно. Вы не из ансамбля песни и пляски?

Кузин. Нет, из кладовой — Кузин.

Бояров. А-а, понятно. Обожаю веселых людей. Подождите минутку. (И д е т к Ч е к м а р ю и в у ж а с е.) Илья Данилыч!! Что с вами?!

Чекмарь (р а с с т е г и в а е т в о р о т, р а з б и т о). Не могу. Все. Ведь он же дурень, дремучий дурень. «Фисгармо-онья»!..

Бояров. А что: неудача?

Чекмарь (р а с с л а б л е н н о). А! Это даже и рассказать невозможно... Ваша очередь. Пойду — чаю. (У х о д и т.)

Бояров (в д в е р ь). Прошу вас, товарищ Кузин... Присаживайтесь.

Кузин. Спасибо. (С а д и т с я, э н е р г и ч н о щ е л к а е т с е м е ч к и.)

Бояров (н а у к о о б р а з н о). Имея в виду самодовлеющее значение среднего руководящего звена на данном конкретно-историческом отрезке, мы хотели бы знать ваше мнение по отдельным моментам кормопроизводства и качествам руководства в колхозе данной наиважнейшей отраслью... Речь, следовательно, о кукурузе и о пойме Красавки. Мы — то есть я и вы,— находясь на разных концах цепи, являемся звеньями равнозначными. Каждый из нас обязан гордиться тем, что он звено, за каковое можно тянуть, предварительно выбрав его в надлежащем месте. И вот... мы считаем, что для выяснения вопросов, упомянутых выше, именно вы могли бы помочь в большом и важном деле. Я очень краток. И полагаю, вы поняли намек с одного слова.

Кузин. Бесполезно.

Бояров (н е д о у м е н н о). Не совсем понимаю.

Кузин. А я совсем не понимаю... С нашим председателем — бесполезно.

Бояров (о б л е г ч е н н о). Откровенность делает вам честь. Почему же бесполезно? Не ладите?

Кузин. А если скажу: не ладим?

Бояров. Порекомендовал бы. Вы не могли бы быть председателем?

Кузин. Еще ка-ак! Я их, колхозников, прижал бы так, что они и в воскресенье работали бы. Я из недели девять ден состряпал бы! Я бы их: влево, вправо, вперед! Влево, вправо, вперед!

Бояров. Извините, не надо многословия. Ясно. Тогда, во-первых, действительно ли он, Иванов, приказал стравить скоту, а потом вспахать кукурузу и пересеять просом?

Кузин. Действительно. Всходы были плохие — весна холодная, а кукуруза — ей давай тепло.

Бояров. А если для вашего «друга» вы напишете кратенько-кратенько: «Всходы были нормальные»?

Кузин. А вы никому об этом?

Бояров. Честное слово.

Кузин. Рискнем, пожалуй. (Р е ш и т е л ь н о н а ч и н а е т п и с а т ь.)

Бояров. Вот и отличненько. (Д о в о л ь н ы й, п р о ш е л с я и у а в а н с ц е н ы.) Один козырь в руках. Уметь надо!

Кузин. Нет, раздумал. Иванов потом слопает с требухой. (И д е т к д в е р и.)

Бояров. Что вы? Куда вы?.. Напишите хотя бы ваше личное мнение.

Кузин. Личное мнение — лишнее сомнение. Раздумал. Боюсь. (В ы х о д и т в п р и х о ж у ю.)

Б о я р о в о ш е л о м л е н.

В х о д и т А н ю т а. С ц е н а в п р и х о ж е й.

...Чтоб ты провалилась со своими семечками! Надоумила. Язык опух, как от ящура. Видишь?

Анюта. На благо народа, папаша, надо и языком поработать. Потомки не забудут ваш скромный подвиг.

Кузин (л е г о н ь к о д а е т п о д з а т ы л ь н и к). А еще студентка! Какой из тебя агроном выйдет? Никакой. (У х о д и т.)

В х о д и т р а з б и т о Ч е к м а р ь.

Чекмарь. Скоро вы его уломали! (С а д и т с я н а к о й к у, о б х в а т и в г о л о в у.) Болит жутко. Столовая на перерыве. Нельзя ли сюда чаю?

Бояров (с м о т р я в о д н у т о ч к у). Сюда — чаю...

Чекмарь (п о д н и м а е т в з о р н а Б о я р о в а). И у вас осечка? (В с т а е т.)

Бояров. Дело осложняется. Шелухой заплевал.

А. КУЧАЕВ

МЫ ЖДАЛИ ИХ

Рассказ

Мы с другом стояли на площади под фонарем, дожидаясь своих дам, а дамы запаздывали. Мороз был градусов сто. Рядом стояла очередь. Они дожидались такси, эти люди.

Справа был Большой театр, за спиной — Малый. Такси ехали мимо.

— Обед!

— Заказной!

— Шабаш!

— На Ваганьковское никого? Ха-хо-хо-ррр!

— В Шереметьево! Червонец сверху!

Текли по морозу фрегаты под зеленым пиратским флагом в шашечную клетку. Наши подруги запаздывали.

В очереди на такси первым не выдержало лицо духовное: человек с рясой из-под драпового макси-пальто и в галошах. Он бросился под черную «Волгу» с желтыми фонарями. Завизжали тормоза. Расширились зрачки у Островского на чугунном кресле перед Малым.

— Вам куда? — спросила глазастая «Волга».

— К Елоховской...

— Садись.

Кормовые огни осветили очередь кровавым рубиновым огнем.

Очень легко одетых молодых людей — он и она, явно не венчаны — поступок духовного лица вдохновил. Они легли под машину с надписью «Связь».

— У меня пикап, — сказала «Связь». — Полезете?

— Еще бы! — Невенчанные исчезли в чреве пикапа среди вечерней корреспонденции.

Одинокий интеллигент, писатель, человек аскетической жизни, уехал на автомобиле с надписью «Мясо».

Женщину с цыганскими глазами унес в ночь спецтранспорт «Живая рыба».

Наших дам, пардон, все не было.

Подошла «Скорая». Туда поместилась веселая компания с гитарой и откупоренной водкой.

— Трогай, милай! — булькнул забубенный голос...

Рассасывалась очередь. Осталась одна гоп-компания и приезжий, с порядками вовсе не знакомый. Он пригорюнился на чемоданчике.

Гоп-компании ждать надоело. Свистнул их заводила тугим ременным свистом, и умчались они на знаменитых конях с фронтона Большого театра.

Оскудел архитектурный ансамбль.

Подошла машина. Пикапчик, весь разрисованный розанами и пузанчиками-ангелочками. Распахнулись дверцы его кузовочка, разорвав славянскую вязь надписи «ПИРОЖНЫЕ, ПИРОЖКИ», и с противней, выложенных обливными эклерами, выпорхнули к нам наши дамы, сияя улыбками.

Теплее стало на земле, теплее стало на площади: справа Большой театр, за спиной — Малый. А рядом, застыв от мороза, дремал на чемоданчике приезжий, с порядками вовсе не знакомый. Ему снились фрегаты под зеленым пиратским флагом в шашечную клеточку...

— Уж про своего внука я не скажу, что для него нет ничего святого!

Рисунок М. БИТНОГО

Вадим ПОЛУЯН

КАРТОФЕЛЬНЫЙ ТРИУМФ

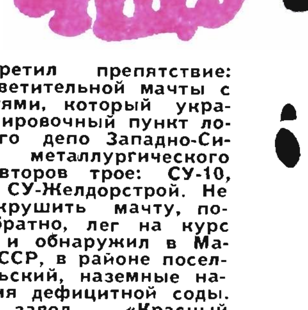
В колхозе назревал картофельный триумф.
В жару ботва густела, словно джунгли.
Но холода ожгли. Все листики пожухли.
Дед вымолвил: «Пора!» И снял с гвоздя
треух.
«Вперед!» «В поход!» «Даешь!»
Пошла писать контора!
Массив картофеля мешками окантован.
Учетчик начеку. Весь в мыле председатель:
«Ищите тщательней! Почаще приседайте!»
И каждому наказ: хоть в сто потов потей,
Но собери картофель без потерь!
В больнице нет врача. Нет ребятишек
в школе.
Нет старцев и старух, завалинка пуста.
А на картошке — шум. Там бригадиры
школят:
«Нарыть по сто картофелин с куста!»
Да, урожай могуч! Конца не видно пыткам:
Под ветром, под дождем, под снегом,
черт возьми,
За каждый клубень падали костьми...
Нарыли. Нагребли. Мешки полны с избытком.
Все — от завхоза до врача —
Поют и пляшут, избочась.
А председатель над трибуной полководцем
Вознесся, как журавль
над срубленным колодцем:
«Спасибо! Будет дел и лошади и ЗИЛу».
Росли, как города, картофеля бурты...
Морозы грянули. Зима вступила в силу.
И от картошки — тьма гнилой бурды.
Был председатель мудр.
Людей собрал он роем.
А овощехранилищ не построил.

* * *

Уж коли ты поставлен у руля,
Копейку пестуя, не забывай рубля!

Трое в поиске, не считая собаки

Ищу хозяина!

Крокодил, пригласив гостей сесть, сказал:

— Первое заседание по вопросу розыска хозяев, страдающих бесхозяйственностью, считаю открытым. Прошу участников представиться.

— Геолого-поисковая партия в одном лице по имени Гена,— встал с места парень в очках и ватнике, с гитарой за спиной и транзистором на шее.

— Кладоискатель - старатель Ерофей Сохатый, сам-один, — пробурчал рыжий детина с бородой лопатой и лопатой под мышкой.

— Гав-гав! — представился огромный серый пес.

— Он говорит, что его звать Мухтар,— перевел с собачьего языка проводник Мухтара младший лейтенант Глазычев.

— Очень приятно,— сказал Крокодил.— Вот зачем я вас пригласил, друзья. Последнее время очень уж много в моей почте сигналов о бесхозяйственности в отношении народного добра. То бульдозер посреди танцплощадки забудут, то сувениры погрузят навалом, то свеклу поморозят, то стекла побьют... Наша с вами задача — найти хозяина в подобной ситуации.

— Поможем, чем можем,— сказал геолог Гена.

— Дак это... и мы не лыком шиты, ежели будут харчи да прогонные,— пробурчал Ерофей Сохатый.— Сроду искать привыкши.

— Ррр! Гау-гау! — рявкнул пес.

— Он постарается,— перевел проводник.

Участники совещания разъехались в разные стороны. А через несколько дней от них стали поступать первые донесения.

Раньше всех откликнулся геолог. Он прислал фототелеграмму:

«Продвигаясь по курсу норд-ост, встретил препятствие: гибрид осветительной мачты с желдорпутями, который украшает экипировочный пункт локомотивного депо Западно-Сибирского металлургического завода. Авторов трое: СУ-10, СУ-11 и СУ-Желдорстрой. Не сумев сокрушить мачту, повернул обратно, лег на курс зюйд-вест и обнаружил в Марийской АССР, в районе поселка Октябрьский, наземные напластования дефицитной соды. Хозяин — завод «Красный стекловар».

Потом пришла тетка в цигейковом армяке, замотанная в толстую шаль. Она вытащила из-за пазухи завернутый в газету кусок оберточной бумаги, исписанный каракулями.

— Мой мужик прислал,— со скромной гордостью сказала тетка,— Ерофей-старатель. Ок, вишь ты, почте не доверяет, так меня отрядил.

Крокодил усадил тетку попить чайку, а сам начал читать донесение Сохатого.

«Довожу до сведения вашего крокодительства, — сообщал старатель,— копать вглыбь не понадобилось. Искал я кладов в дальнем и славном городе Карагандé, а нашел вона что.

Навел меня на эты трубы кум, строитель со станции Караганда. А им прислал Кудиновский завод, что в Московской области. А как грузили они, завод то есть, понятно из того, что труб 316 штук приехали все как есть расколочены, а 519 кое-как уцелели, и то славу богу.

А еще кум намекнул ехать мне на северную сторону. Я сел на чугунку и умотал в поселок Кильдинстрой. А тут кирпича россыпи. Если на деньги пересчитать, то и будет клад. Кильдинский завод лепит кирпич. А он лежит, мокнет и трухнет. А куда девать? На себе не поволочешь, а вагонов не дают. Зато порожняком гонят вагонов много из Мурманской области в Архангельскую — под лес. А попутно загружать кирпичом не дозволяют. И тут другой кум с кирпичного завода снял кирпич на карточку и подарил мне. А я уж тебе передарю. Ерофей Сохатый, старатель».

Когда Крокодил разобрался в корявых, но от души написанных строчках не шибко грамотного Ерофея, ему принесли завернутое в бумагу что-то маленькое, круглое.

— Пленка! — ахнул Крокодил.— Звукозапись! Дайте магнитофон!

— Р-р-р! Гав-гав! — разнеслось по кабинету.

— Мухтарушка! — огорчился Крокодил.— Как же я тебя пойму, дружище? По-собачьему не обучен...

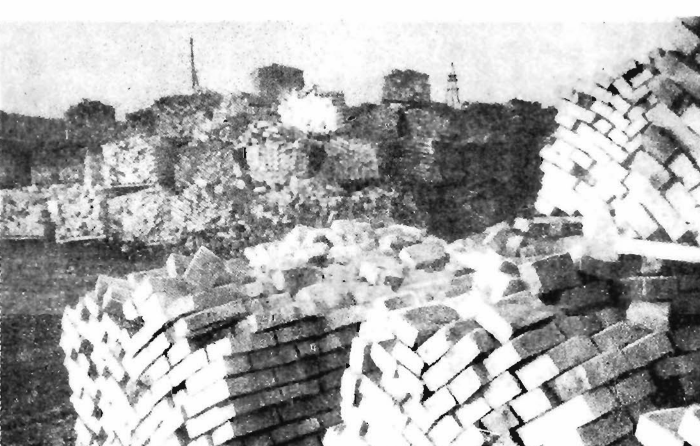
Но тут лай кончился, и послышались слова проводника Глазычева:

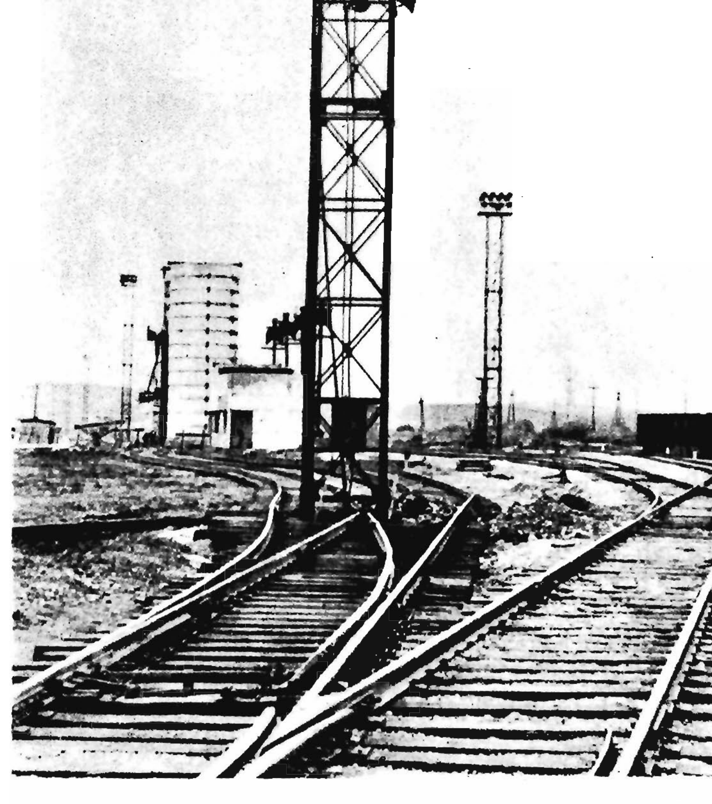
«Мухтар очень старался. Он нашел недостроенную больницу в станице Дондуковской и ее хозяев. Три колхоза взялись строить больницу весной 1967 года, а потом один — имени Мичурина — отказался, денег не дал. И стройку заморозили. Снимок шлем тоже».

— Неплохо для начала поработали мои активисты,— подытожил Крокодил.— Поиски горе-хозяев непременно будем продолжать!

Посланцам Крокодила в их скитаниях по заповедникам бесхозяйственности помогли читатели журнала И. Мартынов (г. Новокузнецк), Н. Агапов (пос. Октябрьский, Марийской АССР), А. Калюжный (г. Караганда), А. Павлов, М. Гусева, В. Политова, П. Тютина, В. Колесов, В. Севастьянов и Ю. Ломакова (пос. Кильдинстрой, Мурманской области), Н. Левченко (ст. Дондуковская, Краснодарского края), за что мы их крепко благодарим.

ЕСЛИ ВЫ, ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ, ЗАХОТИТЕ ПОСЛЕДОВАТЬ ИХ ПРИМЕРУ,

присылайте сообщения о своих находках для раздела «Ищу хозяина!». Кстати, такую пометку не забудьте сделать на конверте.

РЕДАКЦИЯ

Ох, этот первый прогул в новом году...

Только проводили старый год, не успели оглянуться, как уже пора встречать новый. Ох, уж эти проводы-встречи! Хлопот с ними столько, что иной раз просто голова болит.

И долго болит! Уже газеты пишут о трудовых буднях нового года, а голова все еще звенит будильником. Причем так звенит, что порой заглушает звон самого будильника. В результате гражданин В. С. Клименко, как он сам пишет в объяснительной записке, **«...после встречи Нового года совершил горькую фиаску, то есть прогулял три дня».** Не удивительно, что гр-н Клименко схватил выговор да еще вдобавок получил шлепок рублем по карману. Администрация трезво квалифицировала его поступок как обыкновенную пьянку.

Иные прогулявшие пускаются в откровенности: что именно они пили в новогоднюю ночь или после. Делать этого не стоит, даже если речь идет о безобидной минеральной воде.

«От слесаря Наумова Михаила. Второго января не был на работе, так как утром выпил три стакана рассыпухи. Думал, что она разбавленная, а продавец оказался честным, и я не смог прийти на работу».

«Я, Козлов И., пришел второго к концу смены потому, что, зайдя в продовольственный магазин, купил минеральной воды и стал пить, а когда выпил, то почувствовал, что это не вода, а водка — продавец меня обманул».

В первом случае вам без затей скажут, что не надо было опохмеляться. Во втором... Прав гр-н Наумов Михаил. Честных продавцов у нас не счесть, и уж если они не разбавляют рассыпуху, то тем более им нет смысла подсовывать вам вместо минеральной воды водку.

Итак, объяснительная должна быть трезвой, как стеклышко. Так что же, спрашивается, в ней писать?

Предлагаем на выбор несколько возможных вариантов.

1. ИМИТАЦИЯ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ

«Уже с 30 декабря у меня было отличное настроение, — мажорно начинает свое объяснение наладчик К. Селезнев. — **Захотелось заняться спортом, и я решил выполнить пару упражнений на турнике. В качестве турника я использовал бельевые столбы во дворе. Однако в одном моменте я не удержался. В бессознательном состоянии, будучи в поликлинике, всякий, в том числе и я, не может признать любые реакции Раппопортов».**

Не забудьте, как сделал К. Селезнев, заменить вытрезвитель поликлиникой. Номер и адрес поликлиники вы забыли. В бессознательном состоянии это не удивительно.

2. БЕЗУМСТВА ТЕЩ

Не только в минувшем году, но и в минувшем веке от тещ всего можно было ожидать. Это и администрация знает по собственному опыту.

«Я, А. Красильников, не имел возможности с 30 декабря по 2 января выйти на работу по причине нечестности жены и кровожадности тещи. А *именно: они* прибрали мой аванс и даже отказались выделить малую толику на поправку здоровья. Причем теща добавила слова, которые я и вспоминать не хочу, не то что писать. Я всегда раньше думал: сначала работа, потом семья. А оказывается — сначала семья, потом работа».

Н. МОНАХОВ

«Я, Коневалов Л. В., совершил прогул по причине: на праздники теща третий раз выходила замуж. Она мне сказала, что я имею организаторскую способность и должен стать тамадой (или старшим). Рад бы уклониться, но так вот стал распоряжающим на свадьбе. Свою вину я признаю, больше этого не повторится, так как теща убеждала, что четвертый раз она в жизни замуж не выйдет».

«Вместе с поздравительными письмами получил телеграмму от тещи, где было написано: «Срочно выезжайте». Сам я не поехал, а жену проводил. Дело в том, что, наверное, теща отбросила коньки или около этого. Вот что и послужило причиной моего душевного расстройства и невыхода.
К сему Афонин *Виктор Д.*»

3. НЕМНОГО ФИЛОСОФИИ

требуется в тех случаях, когда все другие варианты объяснительных записок вы *исчерпали в прошлые новые* годы. В конце концов начать новую жизнь никогда не поздно.

«Я, Бессчетнов П., объясняю. Первого января все ехали за город. Я опоздал на автобус и забыл о работе. Эта афера больше не повторится, ведь я молод, и жизнь моя в одних ожиданиях. Ведь все это диалектические законы».

«Из-за этого прогула я по обиде мог бы вообще уволиться. Но хладнокровный и трезвый взгляд к производству и производственной дисциплине меня остановил. Искорка жажды к производству в новом году должна разгореться в большое пламя в сердце человека. Г. И. Крайнов».

4. МОЛОДО — ЗЕЛЕНО

«Не пришел 2 января до обеда, так как читал дома очень интересную поучительную книгу, в чем и подписываюсь. Горянин С. П.».

«Я, Теньков, прогулял, как в прошлом году на каникулах. Читал книги, кушал пельмени».

Оба объяснения просто несерьезны. Но зато от них веет пленительной младенческой наивностью. «Что взять со вчерашнего школьника?» — разведет руками администрация. — Молодо — зелено, потому и глупо. Подрастет — поумнеет». Рекомендуем такие объяснения писать на первом году трудовой жизни, но не позже.

5. ЧТО-ТО КОСМИЧЕСКОЕ

В наш век все мы бредим космосом, поэтому есть основания рискнуть на астрономические масштабы вранья.

«От Зуенко Григория. Во время каникул ожидалось столкновение Земли с кометой Икейя-Секи, и я с сыном находился на наблюдательном пункте».

Хотя это и сочтут неуважительной причиной, но могут поверить в искренность. А это уже половина успеха.

6. СТАВКА НА ЧУВСТВО ЮМОРА

возможна, разумеется, там, где администрация этим чувством обладает.

«Я, Рязанцев Вал. Ив., точно помню, что заснул дома. Но когда проснулся, на меня смотрела странная голова с бородой и рогами. Вконец осознав, что это не черт, а козел, я его прихватил с собой в мешок, чтобы сдать в Заготскот, отчего опоздал на шесть часов».

«Со мною, Барановым А. И., уже в конце празднования случилось большое несчастье — попал в вытрезвитель. Обещаю, что этого со мной никогда не повторится».

— Вы только подумайте! — ахнет администрация, давясь от смеха.— «Вет» — это же означает «ветеринарный вытрезвитель». Ох-хо-хо! Напился, наверное, как лошадь! Ха-ха-ха!

Известно, что, когда человек смеется, он становится мягче. Есть шанс рассчитывать на снисхождение.

* * *

Пожалуй, для начала хватит. Хотим только предупредить, что наши рекомендации не могут застраховать вас от различных непредвиденных случайностей. Скажем, вы сетуете на тещу, а администрации доподлинно известно, что вы пока холостяк. О столкновении кометы Икейя-Секи с Землей вы узнали из обрывка старой газеты, в который был завернут хвост селедки, и администрация, тоже читающая газеты, вас в этом уличила. Поэтому запомните: самый лучший вариант — вообще не писать объяснительную. Но это возможно лишь в тех случаях, когда писать ее и не нужно. У вас звенела не голова, а будильник, и его зов вы услышали.

— Кто из гостей сегодня был без шапки?

Рисунок С. СПАССКОГО

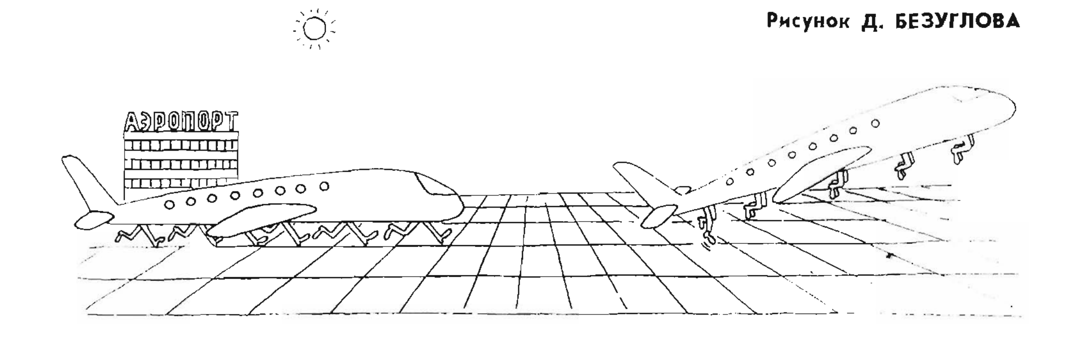
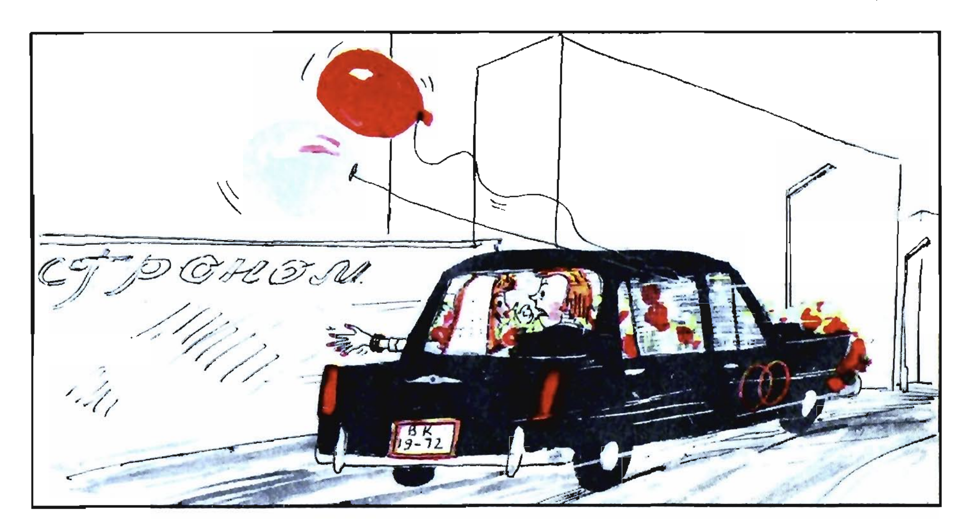

Рисунок Д. БЕЗУГЛОВА

— И запомни: там прачечная, там химчистка, а булочная — за углом...

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

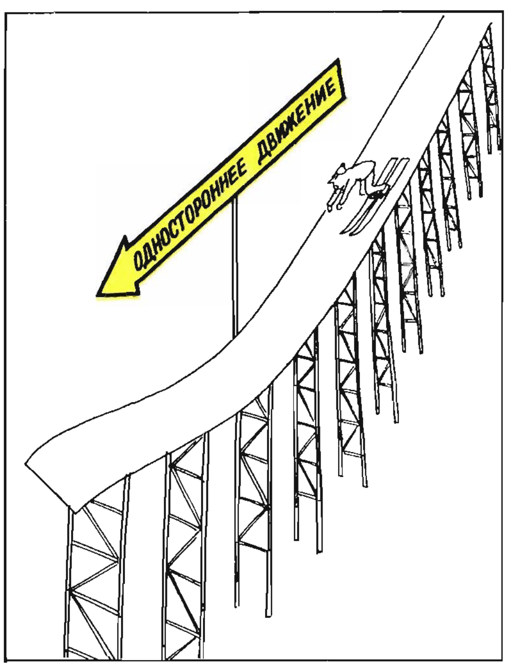

Рисунок Ф. КУРИЦА

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

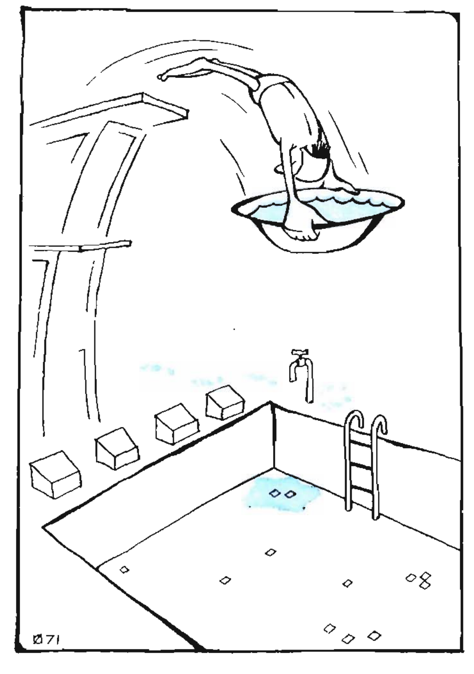

Рисунок И. СМИРНОВА

А. НИКОЛЬСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

СОБАЧЬЕ ДЕЛО

Уж очень сейчас общественность о себе много понимать стала. Дескать, у нее большие права, она и порядок наводит, и то и се... И если кто из отдельных граждан начнет не в меру хорохориться, то она любого и каждого может привести к общему знаменателю.

Но это, уважаемые читатели, по-моему, лишь в воображении самой общественности. Это у нее иллюзия такая. Чтоб жить веселей.

А на самом деле ничего подобного нет. Общественность так считает до тех пор, пока не нарвется на твердого человека, который готов лечь костьми за свои принципы. Пускай принципы яйца выеденного не стоят. Важно, чтобы он за них спуску не давал. И он так общественность заморочить может, что от ее апломба ничего не останется.

Вот так однажды общественность обломала свои зубы на гражданине Подольном. И, представьте, из-за ерунды. Обидно даже.

А завел себе Подольный трех собак. Даже не собак, а собачек. Очень милые такие собачки, голосистые звоночки, радующие слух хозяина. Но не слух соседей. Потому что все трио заливается, когда кто-нибудь к двери подходит. А коридор общий. Планировка гостиничного типа.

Кроме того, песики отдают дань природе. Иногда не там, где нужно. В лифте, например, на детской площадке. Ну, собачки, что с них возьмешь? Они не понимают. Однако хозяин это понимать должен и выводить собак на поводке, уважая постановление Моссовета. Что, между прочим, не делается. И вот из-за такого предмета, который даже как-то неловко и назвать своим именем, начался конфликт, в котором так или иначе участвовали девять организаций, а именно:

Жэк № 11 Ленинградского района.
Домовый комитет.
Ветеринарный надзор.
Санитарный надзор.
Административная комиссия.
Милиция.
Товарищеский суд.
Совет товарищеских судов.
Народный суд.

И все, между прочим, без толку.

Здесь я особо хочу подчеркнуть, что мы не против собачек. Пусть они живут и здравствуют. Мы любим собачек. Но, к примеру говоря, мы любим и детей. Однако если чье-нибудь чадо, расшалившись, выбьет стекло, то та же общественность сделает родителю упрек. Вполне справедливо.

Так же и тут. Для начала товарища Подольного просто хотели предупредить, ознакомить с правилами. Однако он повел себя гордо и на собеседование не пришел.

Здесь общественность, к сожалению, несколько переоценила свою мощь и начала ответные действия неорганизованно. Вначале она все выясняла, какой департамент ведает упомянутым неприличным собачьим поведением и кому именно им надлежит заниматься. Завязалась долгая переписка с 28-м отделением милиции, с главврачом санэпидстанции тов. Сахаровой, с главврачом райветлечебницы тов. Заплетановым. Эта переписка ни к чему определенному не привела.

А дни шли. Дело обогащалось новыми актами и докладными. Все насчет поведения собачек. Там, понимаете ли, и там... тьфу ты, будь это все неладно!

Не знаю, как читать, а мне писать — так сущее наказание. Ну, взял бы хозяин тряпку — и все дела. А тут, понимаете ли, назначается товарищеский суд, пишутся повестки, вызываются свидетели...

А гражданин Подольный на суд идти не хочет, от повесток отказывается, с нарочным не разговаривает. Объявление о суде повесили — объявление сорвал.

И надоело это всем невыносимо. Ладно, думают, не хочешь — не надо. Состоялся суд без ответчика. Можно и так поступить по существующему положению.

Оштрафовали гражданина Подольного на десятку. Много нервов потратили, но вроде бы справедливость восторжествовала.

Ан нет. Во-первых, Подольному никак невозможно было вручить решение. Во-вторых, он написал жалобу, что, дескать, «...жэк № 11 учинил надо мной судебную расправу без всяких на то оснований и причин, не ознакомив меня с материалами дела, не поговорив со мной и ничего не выяснив». Что касается работников Ленинградского райисполкома, в ведении которого находится товарищеский суд, то этот гражданин им так надоел, что те в душе прокляли день, когда затронули этих собачек.

Дело кончилось тем, что взыскание штрафа было приостановлено до дополнительной проверки. А когда все подтвердилось, истек срок исковой давности.

Тогда товарищеский суд жэка № 11, который бился как рыба об лед и ничего не добился, в полном составе подал в отставку.

К сожалению, я не знаю, как проходила церемония сложения полномочий товарищеским судом. Находились ли при этом in corpore представители жэка и домкома в сопровождении техников-смотрителей, лифтерш и уборщиц. Я даже не знаю, разработана ли на этот случай вообще какая-нибудь церемония, поскольку этот случай — довольно редкостный в нашей практике. Но как бы там ни было, соответствующий документ был подписан и приобщен к делу.

Некоторые были склонны рассматривать его как некий печальный факт. Однако, на мой взгляд, вся эта история свидетельствует прежде всего о силе демократии: когда любым вопросом, будь он мал или велик, а то и попросту ничтожен, может заниматься множество организаций и общественников, не щадя сил и времени. И если в данном (весьма нетипичном) случае общественность вроде бы и потерпела поражение, то это поражение было временным, потому что для утверждения справедливости существуют еще пресса, министерства, профсоюзные организации, всевозможные комиссии да мало ли что!

В конце концов общественность так и сделала: она обратилась за помощью в редакцию журнала «Крокодил».

Было время, когда я хаживал на таких принципиальных товарищей в одиночку.

И ничего. Жив, как видите, остался, хотя о здоровьи особенно говорить не приходится. Но это в прошлом.

Теперь я звоню председателю товарищеского суда Марии Ивановне Кондратьевой.

— Так и так,— говорю,— не сходим ли мы вместе к Подольному?

— Что вы! — говорит.— Избави бог. Я как только услышу его фамилию, меня начинает трясти мелкой дрожью. Вы возьмите какого-нибудь мужчину покрепче.

Звоню члену товарищеского суда Семену Наумовичу Ашкинази. Мнется Семен Наумович.

— А что,— спрашивает,— я должен делать?

— Мне,— говорю,— вы нужны просто как свидетель. А то Подольный потом скажет, что товарищ корреспондент явился пьяный. Что товарищ корреспондент пытался его ограбить. Что товарищ корреспондент хотел его убить. Мало ли что...

Мнется Семен Наумович.

— Пускай,— говорит,— мне даст указание председатель товарищеского суда.

Хорошо. Организуем такое указание и отправляемся.

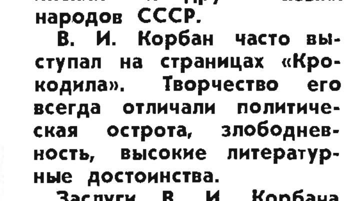
На звонок откликается разноголосый собачий хор. А вот и сам гражданин Подольный, симпатичный, розовощекий мужчина. Средняя весовая категория. Откровенно говоря, даже не похож на человека, которого я представлял себе по рассказам.

Сидим и беседуем о вышеизложенном собачьем деле, изо всех сил стараясь придать ему ту солидность, какую оно приобрело за это время.

— Видите ли,— говорит гражданин Подольный,— если вы не разберетесь, я буду жаловаться выше. Дело не в штрафе, для меня важны принципы.

И мы понимаем, что наш визит тоже не завершит дело. Точка еще не поставлена. А кто поставит точку? На свете много организаций. И главная тяжба еще впереди. Как говорится, продолжение следует.

В. И. КОРБАН

Скоропостижно скончался известный белорусский писатель, бывший главный редактор белорусского сатирического журнала «Вожык» Владимир Иванович Корбан.

В. И. Корбан родился в 1910 году в рабочей семье. Трудовая биография его началась рано: ему не было пятнадцати лет, когда по окончании семилетки он пошел работать токарем на оршанский завод «Красный Октябрь».

В годы Великой Отечественной войны В. И. Корбан командует стрелковой ротой, участвует в боях под Брянском, Орлом, Оршей, Борисовом, воюет в Восточной Пруссии.

Творческая биография В. И. Корбана началась с 1945 года. И сразу же его злободневные басни и острые стихотворные фельетоны привлекли внимание читателей. Он оставил нам более двадцати книг басен, стихов, рассказов. Многие из его произведений переведены на русский, украинский и другие языки народов СССР.

В. И. Корбан часто выступал на страницах «Крокодила». Творчество его всегда отличали политическая острота, злободневность, высокие литературные достоинства.

Заслуги В. И. Корбана перед Родиной были высоко оценены Советским правительством. Он был награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями. Ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля культуры БССР.

Крокодильцы скорбят о безвременной кончине Владимира Ивановича Корбана, выражают сердечное соболезнование близким покойного и коллективу журнала «Вожык». Имя Владимира Корбана, его произведения сохранятся в сокровищнице советской сатирической литературы.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА

Когда сотрудник Батумского кофеинового завода Мамия Филиппович Маргалитадзе собирался в командировку, он и не подозревал, что она окажется для него роковой. И вот так, ничего не подозревая, в отличнейшем расположении духа, он помахал жене рукой и, насвистывая, вошел в самолет.

Обычно туманный и дождливый Ленинград встретил Мамию Филипповича солнцем, белыми пароходами на Неве. Желая пополнить семейный альбом, счастливый командированный помчался в Петергоф. Представитель фотоателье № 40 привычно увековечил Мамию Филипповича на фоне замечательных памятников культуры.

Вернувшись домой, Мамия Филиппович без устали рассказывал близким родственникам о красотах Северной Пальмиры, чутко прислушиваясь к шагам на лестнице: не идет ли почтальон с пакетом от фотоателье № 40. И, наконец, такие шаги раздались...

— Вам бандероль! — сурово сказала почтальон, и Мамия Филиппович вздрогнул от тяжкого предчувствия. Тем не менее, торжественно поглядывая на домашних, он вскрыл конверт, и на стол посыпались снимки очень миловидной и весело улыбающейся девушки.

— Какая-то ошибка...— пролепетал побледневший Мамия Филиппович и, прикрывая фотографии локтем, начал лихорадочно рыться в бумажнике.— Они перепутали...

— Перепутали? — горько усмехнулась жена, принимая квитанцию из дрожащих рук супруга.— Как это перепутали, когда и номер-то один и тот же — 480000. И на квитанции и на бандерольке!

«Вы не представляете, к каким последствиям приводят ошибки и халатность работников фотоателье! — горько жалуется Крокодилу Мамия Филиппович.— В семье драма! Чуть ли не развод!..»

Вот уж это напрасно. Неужели никогда раньше супруга Мамии Филипповича не сталкивалась с нашими рассеянными тружениками службы быта?

А. АЛЕШИН

Внимательный ли вы человек?

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА

Головоломки и загадки

Найди охотника

Кто из граждан в серых головных уборах самый невежливый?

В чем разница между семейной и служебной фотографиями?

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Молодой человек спрашивает у старика, едущего с ним в одном купе:

— Далеко направляетесь, дедушка?

— На встречу одноклассников!

— А сколько же вам лет?

— Девяносто восемь.

— Должно быть, уж немного осталось у вас однокашников?

— Да, последние пять лет я собирался один...

●

— Я приехал в город всего лишь с пятью кронами в кармане!

— Должно быть, вы разумно их использовали?

— Конечно. Я отправил домой телеграмму с просьбой прислать денег.

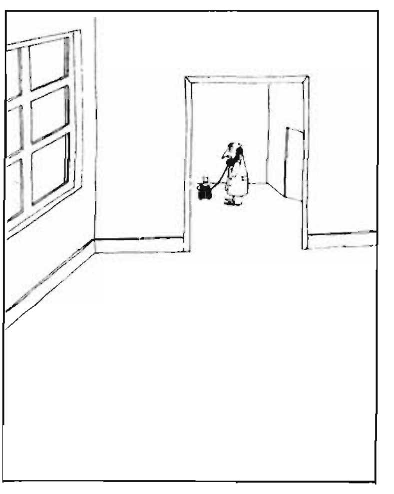
●

Помощник шерифа:

— Шеф, он признался!

— Идиот, вы вместо подозреваемого допросили потерпевшего!

●

— Полиция? Меня, кажется, обокрали!

«Пуркуа па?», Бельгия.

На вокзале висят часы. Подходит мужчина, достает из кармана карандаш, записную книжку и записывает время.

— Зачем? — удивляется какой-то любопытный пассажир.

— Да у меня нет часов, а меня все время спрашивают, который час.

●

Директор вызывает начальника отдела кадров и приказывает ему:

— Найдите на нашем предприятии молодого, способного и инициативного человека, который с течением времени мог бы занять мое место.

— А потом?

— Как только вы его найдете, немедленно увольте.

●

В редакцию одной эдинбургской газеты пришло письмо читателя: «Если вы немедленно не перестанете печатать анекдоты о скупости шотландцев, то я с завтрашнего же дня перестану одалживать вашу газету у соседа».

●

— Какое самое приятное времяпрепровождение в Лондоне?

— Провести уик-энд в Париже.

●

— Вам известно, что один из каждых трехсот французов выше 190 сантиметров?

— Я это хорошо знаю. Он всегда сидит передо мной в кино.

●

— Вы сможете сшить мне костюм цвета кофе с кипящим молоком? — осведомляется пижон.

— С сахаром или без? — спокойно спрашивает портной.

Ласло ТАБИ (Венгрия)

ДИАЛОГ

— Вы меня звали, товарищ директор? Слушаю вас.

— Прошу садиться, Пирике. Я должен вам кое-что сообщить.

— Я вся внимание.

— Вы знаете, в течение целого месяца мы проводили в нашем учреждении различные пробы, измерения с помощью компьютеров, специальных приборов и прочей аппаратуры.

— Совершенно верно.

— В результате этих измерений было установлено, что наши сотрудники значительную часть времени тратят не на работу.

— В самом деле? Никогда бы не подумала!

— К сожалению, это так! Вот передо мной сводка о том, как проводите время на работе вы, Пирике. Из восьми часов рабочего времени семь процентов у вас уходит на опоздание, одиннадцать процентов — на разговоры по телефону, шестнадцать процентов — на распивание кофе, двадцать — на болтовню, восемнадцать процентов — на пребывание в туалете и четыре — на чтение газет. Всего это составляет семьдесят шесть процентов.

— Вы меня озадачили, товарищ директор.

— Чем именно?

— На что же у меня уходят последние двадцать четыре процента?

Анджелло АДОЛЬФИ (Италия)

МНЕ ПРИШЛО В ГОЛОВУ, ЧТО...

...бог создал мужчину раньше женщины, чтобы мужчина успел сказать хоть несколько слов.

* * *

...сверхлень — это ежедневный подъем в 5 утра, чтобы иметь больше времени на ничегонеделанье.

* * *

...искусство подготовки к хорошему отдыху заключается в следующем:

а) вытащить из шкафа всю одежду, которую вы хотите взять с собой,

б) подсчитать сумму денег, которую вы собираетесь истратить,

в) взять половину одежды и вдвое больше денег.

* * *

...нет ничего более странного, чем футбол. Этим видом спорта занимаются двадцать два человека, которым явно не нужны физические упражнения, перед несколькими десятками тысяч людей, которым они просто необходимы.

* * *

...говоря о радостях материнства, забывают упомянуть самую большую: чувство, которое мать испытывает в десять часов вечера, когда дети наконец легли спать.

* * *

...все зайцы бегут зигзагами. Но самые хитрые стараются оказаться в зиге, когда охотник стреляет в заг.

ВАМПИ (Уругвай)

Приглашение

Не успел я войти в дом, как жена тут же выложила мне, что в Монтевидео приехали супруги Сантилонес.

— Ну и что? — спросил я.— Я даже не знаю, кто они такие, и совершенно не горю желанием узнать.

— Перестань,— нахмурилась жена.— Оставляй свое пресловутое чувство юмора на работе. При твоей зарплате оно тебе там нужнее. Итак, давай лучше подумаем, кого пригласить вместе с ними, потому что не пригласить супругов Сантилонес я просто не могу... Может быть, еще Тере и Хавьера? Мы были у них на обеде еще осенью, а сами их не приглашали.

— Если тебе так хочется их накормить, может быть, лучше просто отправить им немного продуктов, меньше было бы хлопот.

— Перестань! — Жена слегка повысила голос.— Я думаю о том, что, если пригласить Тере, узнает Изабелита.

— Ну и что?

— Пожалуй, чтобы не вызывать у нее подозрений, стоит позвать еще Густава с Карлотой. Кстати, Карлота говорит по-немецки.

— Это, конечно, очень важно,— сказал я,— если учесть, что, кроме нее, по-немецки не будет говорить никто...

— Как никто? Пригласим дядю Адриана. Он тоже говорит по-немецки.

— А зачем двум уругвайцам говорить по-немецки?

— Оставь, ты ничего не понимаешь! Тут совсем не в этом дело. Если будет дядя Адриан, то тактично было бы позвать и Анхелиту, которая так дружит с его первой женой. Она, кстати, изумительно раскладывает пасьянс.

— Кто раскладывает пасьянс? Анхелита или первая жена дяди Адриана? У меня уже голова идет кругом.

— Так, так.— Лицо у жены было величественно и сосредоточенно, как у стратега, обдумывающего план сражения.— А может быть, чтобы она не надоедала всем своими пасьянсами, нейтрализовать ее Карлосом и Кончитой? Когда Кончита начинает рассказывать анекдоты... Впрочем, она может и не прийти, поэтому надо бы застраховаться, пригласив Мадзони... А раз Мадзони, то нельзя не пригласить семью Воберто. Три года я собираюсь...

— Прости,— сказал я,— по моим подсчетам, ты уже назвала человек сто. А ты подумала, хватит ли места для супругов Сантилонес?

— Господи, не мешай же! Какие еще Сантилонес? При чем тут Сантилонес?

Христо ПЕЛИТЕВ (Болгария)

Мышеловка и прогресс

Собрались как-то мыши, начали вздыхать, жаловаться на жизнь и мечтать о лучших временах.

— Послушайте,— вдруг воскликнула одна мышь, славившаяся несолидностью,— а почему бы нам не добиться запрещения мышеловок? В наш гуманный век...

— Кому гуманный, а кому и нет,— возразил ей мрачный грызун-пессимист из угла.

— А может быть, действительно напишем заявление? — оживилась толстая мышь, известная своей страстью к документам. Она любила их как пищу телесную и духовную.— Так, мол, и так, пришло время положить конец разбазариванию таких ценных продуктов, как сыр и шпик, используемых для приманки.

— Добавьте, что запрещение мышеловок даст огромную ежегодную экономию черных и цветных металлов,— заметил мрачный грызун.

— Прекрасная идея! Может быть, еще скажем, что мы, мыши, уже достаточно сознательны, чтобы обходиться без мышеловок? — пропищала несолидная мышь.

Предложение понравилось всем: кому не захочется подчеркнуть свою сознательность?

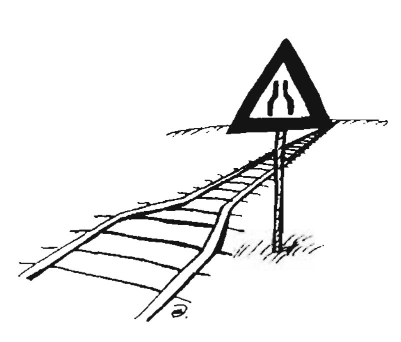
Заявление писалось долго, но зато являло собой образец логики и чувств. Когда редакционная комиссия зачитывала ее, многие мыши плакали от умиления.

Бумага была послана наверх, и — кто бы мог подумать! — просьба была удовлетворена. Резолюция гласила, что с первого числа мышеловки отменяются.

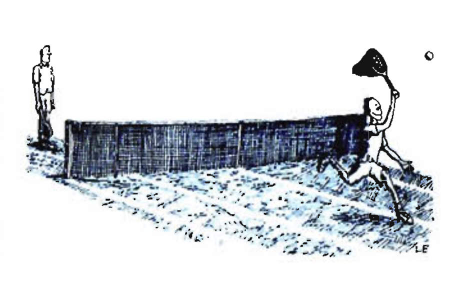
— Ура! — кричали мыши, и даже мрачный скептик должен был согласиться, что прогресс существует.— Да здравствует жизнь без мышеловок!

Первого числа из норки вылезли осмелевшие мыши. И не вернулись обратно, потому что там, где раньше стояла мышеловка, их подстерегала большая голодная кошка.

«Рогач», Чехословакия.

«Аллерс», Швеция.

КРОКОДИЛ

№ 1 (2011)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Безуглов (г. Ставрополь), М. Битный, М. Вайсборд, В. Захаров, Г. и В. Караваевы, Ф. Куриц, А. Скотаренко, И. Смирнов, Ю. Степанов, В. Тамаев, Ю. Черепанов, А. Чикарьков.

Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
Г. О. МАРЧИК
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 21/XII 1971 г. А 01020. Подписано к печати 30/XII 1971 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1 завод: 1 — 3 183 500). Изд. № 61. Заказ № 2293.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп. Индекс 70448

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗООБОЗРЕНИЕ

Агрессивный зуд — врожденный порок империализма. Такая уж у него природа. Говорят, гони природу в дверь, она влетит в окно. Американская пехота постепенно убирается из Индокитая — вьетнамские патриоты решительно указали ей на дверь,— но взамен стратеги Пентагона наращивают бомбовые удары по многострадальной вьетнамской земле...

Агрессия — преступление, и не удивительно, что происходит стирание граней между уголовниками и наемной солдатней. Печать сообщает, что в Израиле Даян уже вербует свое воинство из цивильных грабителей, заменяя им арестантскую робу военными мундирами.

Агрессивный зуд опасен не только для окружающих, он изнуряет экономический организм страны-агрессора. Упражнение с военным обручем дорого обходится миссис Экономике США.

— Хэлло, Джек! Наши выводят войска...

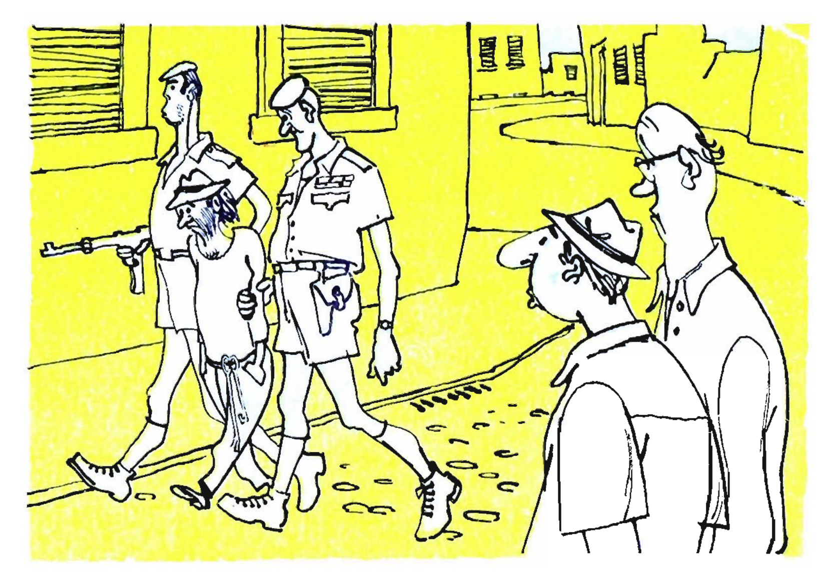
Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

— Я, кажется, слишком худею от этого обруча.

Рисунок Е. ГУРОВА

В ТЕЛЬ-АВИВЕ

— Куда ведут этого уголовника? В полицию?
— Нет, в армию.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА